„Пров 49“

Galerka und Riadowoi. — Unsere Missverständnisse.

Prix: 50 cent., — 40 pf., — 5 d., — 10 cts.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Галерка и Рядовой.

НАШИ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

Изданіе авторовъ.

Эта страничка была раньше напечатана въ типографіи Партіи съ вѣдома товарищей, заѣдовавшихъ всей технической частью заграничнаго отдѣла Ц. К. Представитель новаго Ц. К. распорядился вырѣзать ее, и запретилъ печатать, какъ обложку, такъ и послѣднюю страничку (объявленіе).

ЖЕНЕВА.
Кооперативная Типографія, Rue Caroline, 49.
1904.

ПР
„Пров 38"
„Пров 49"
224774

Наши недоразумѣнія.

Плехановъ, за нимъ Аксельродъ признали наличность нѣкоторыхъ недоразумѣній въ спорѣ между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“. Не считая возможнымъ сводить всѣ причины нынѣшней неурядицы къ однимъ только недоразумѣніямъ, я, тѣмъ не менѣе, согласенъ, что недоразумѣнія существуютъ. Ихъ много. Только напрасно Плехановъ ищетъ объясненія ихъ въ злой волѣ отдѣльныхъ лицъ: лучше направить поиски на существо дѣла.

Недоразумѣнія неизбѣжны, когда спорящіе толкуютъ о разныхъ предметахъ, думая, что говорятъ объ одномъ и томъ же. У насъ предметъ спора — организація партіи. Вообще въ жизни организаціонныя нормы не выводятся абстрактно-логическимъ путемъ изъ одной абсолютной нормы, а вырабатываются на основаніи анализа, между прочимъ, объекта организаціи и внѣшнихъ условій дѣятельности. Мы споримъ и не замѣчаемъ, что нельзя говорить объ организаціи нашей партіи, какъ чего-то единаго, вполнѣ однороднаго. У насъ налицо, съ организаціонной точки зрѣнія, не одна, а двѣ партіи: онѣ различны по составу, а условія ихъ жизни и вовсе не сходны. Эти двѣ партіи или части — россійская и заграничная.

Заграничная живетъ въ условіяхъ политической свободы, россійская — подъ эгидой самодержавія; россійская кр[illegible]мѣнчива и молода по составу передовыхъ с[illegible] заграничная имѣетъ постоянное ядро изъ ст[illegible]-эмигрантовъ. Можно ли примѣнить одинъ [illegible]изаціонный шаблонъ къ обѣимъ этимъ [illegible] Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи?

Но если [illegible] дая вопросы организаціи, не проводятъ строго и сознательно раздѣленія обѣихъ

частей партіи, то предметъ спора не будетъ совпадать: заграничники будутъ въ большей или меньшей степени исходить изъ заграничнаго опыта и наблюденія, россіяне будутъ представлять себѣ только россійскія условія и россійскій составъ. Люди перестанутъ понимать другъ друга.

Не подтверждается ли это апріорное соображеніе тѣмъ фактомъ, что наше „большинство“ и „меньшинство“, по преобладающей тенденціи, опредѣляются, какъ россійскіе и заграничные дѣятели партіи? Изъ заграничныхъ литераторовъ, судя по партійной печати, Ленинъ больше всѣхъ вникалъ въ детали практическихъ задачъ россійскихъ дѣятелей. Этимъ гораздо проще, чѣмъ злой волей или демагогическими стремленіями, объясняется какъ его успѣхъ среди „большинства“, такъ и непониманіе или, если хотите, непризнаніе его точки зрѣнія литераторами „меньшинства“. Но и у Ленина (я знаю его только по печатнымъ источникамъ) не видно яснаго сознанія, что къ заграничнымъ организаціямъ не приложима россійская мѣрка.

Попытаюсь показать, какую роль играли недоразумѣнія при обсужденіи спорныхъ пунктовъ.

Прежде всего — право Ц. К. раскассировывать мѣстные комитеты. Плехановъ называетъ этотъ вопросъ центральнымъ пунктомъ разногласій. Конечно, разсуждая апріорно, лучше всего, если бы мѣстные комитеты были неприкосновенны. Заграницей это осуществимо. Если бы это было такъ же легко осуществимо и въ россійскихъ условіяхъ работы, то я бы ни минуты не задумался высказаться за мнѣніе Плеханова. Слѣдовательно, вы стоите теперь за предоставленіе Ц. К. права раскассированія? — спросятъ меня. На это отвѣчу, что данный вопросъ не рѣшается въ такой абсолютной формѣ, и я менѣе всего ожидалъ услышать абсолютное его рѣшеніе отъ Плеханова, который вообще противъ абсолютныхъ истинъ. Я согласенъ принять лишь за руководящее начало принципъ: „Ц. К. безъ особой нужды не долженъ посягать

на самостоятельность мѣстныхъ комитетовъ". Но тутъ являются новые вопросы. Предположимъ, что какой либо мѣстный комитетъ явно и систематически а) отступаетъ отъ соціальдемократической программы, или б) по своей инертности не удовлетворяетъ запросамъ мѣстнаго рабочаго движенія, или в) включаетъ въ себя лицъ, оказывающихся по испытаніи негодными. — И все это при томъ условіи, что въ томъ же городѣ остаются мало использованными прекрасныя революціонныя силы. Кто знаетъ россійскія условія, частые аресты, трудность возстановленія связей и проч., тотъ скажетъ, что предположенные мною случаи всегда возможны. Можно, конечно, рѣшить: пусть лучше въ отдѣльныхъ пунктахъ дѣло страдаетъ и партія компрометтируется, лишь бы не страдалъ принципъ неприкосновенности мѣстныхъ комитетовъ. Но въ такомъ случаѣ почему не идти дальше? Почему, напримѣръ, Пензенскій или Курскій комитетъ будутъ пользоваться большими правами, чѣмъ болѣе важная группа или подкомитетъ Шлиссельбургскаго тракта въ Петербургѣ и т. п.? Вообще, нѣтъ ни логическаго, ни практическаго основанія оставлять право неприкосновенности только за комитетами и не идти дальше. Правда, делегатовъ на съѣзды подкомитеты не выбираютъ. Но вѣдь не партія существуетъ для съѣздовъ, а съѣзды для партіи, — и принципъ долженъ проводиться возможно полнѣе. Въ томъ все и дѣло, возможно ли проводить его при россійскихъ условіяхъ.

Въ предположенныхъ мною случаяхъ негодность мѣстныхъ комитетовъ пагубно отразится только на дѣлахъ ограниченнаго района. Но возможенъ (я бы сказалъ даже: рано или поздно неизбѣженъ) случай болѣе опасный. Это — случай провокаторства.

Доступъ провокатора въ мѣстный комитетъ или близость его къ мѣстному комитету можетъ случиться скорѣе и легче, чѣмъ доступъ или близость къ Ц. К. Если провокаторъ ловокъ, то всего вѣроятнѣе, что полиція будетъ щадить мѣстный коми-

тетъ, который попалъ въ ея руки, и направитъ все вниманіе на его иногородніе связи. Будутъ проваливаться тѣ мѣстные комитеты и тѣ члены Ц. К., которые вступали въ сношенія съ провокаторскимъ комитетомъ. Члены послѣдняго будутъ очень довольны другъ другомъ, будутъ, можетъ быть, работать съ выдающимся успѣхомъ. Департаментъ Полиціи передъ этимъ не остановится. Члены Ц. К., на основаніи разныхъ сопоставленій, первые должны будутъ заподозрить неладное. Попробуйте тогда убѣдить членовъ неблагополучнаго комитета, что онъ — очагъ шпіонской работы! Провокаторамъ удавалось такъ дурачить людей, что они готовы были не вѣрить очевидности. Напомню петербургскаго дантиста Михайлова. Что же въ такихъ случаяхъ дѣлать Ц. К.? Я не отвѣчаю: раскассировать. Я только ставлю вопросъ. Этотъ вопросъ стоялъ вѣроятно и передъ „лягушками, просящими царя“: соображенія собственной безопасности и безопасности партіи толкнули ихъ къ отказу отъ своихъ правъ и къ надѣленію Ц. К. особо-большими полномочіями.

Конечно, въ планѣ организаціи, за который стоитъ „большинство“ многое анти-соціальдемократично, если игнорировать русскія условія. И первый, самый главный анти-соціальдемократическій принципъ — кооптація вмѣсто выборовъ. Но вѣдь кажется и „меньшинство“ не предлагало строить организацію снизу до верху на выборномъ началѣ; — не правда ли? Плехановъ художественно изобразилъ „бонапартистскій“ характеръ Ц. К., который вздумалъ бы подтасовывать мѣстные комитеты для полученія искусственнаго большинства на съѣздѣ. Подтасовка погубила бы организацію — это вѣрно. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что уральскіе представители мечтали о подтасовкѣ, о креатурахъ. Они говорили о правѣ раскассированія, а Плехановъ въ блестящей художественной картинѣ изобразилъ мыслимый случай злоупотребленія этимъ правомъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Представители называютъ *это* (курсивъ мой) цент-

рализмомъ. Полноте, совѣтники! Это просто на просто была бы мертвая петля, туго затянутая на шеѣ партіи, это бонапартизмъ, если не абсолютная монархія старой дореформенной манеры!“.

Плехановъ могъ бы еще энергичнѣе клеймить подтасовку (наполненіе комитетовъ креатурами), могъ бы негодовать еще громче, — и уральскіе представители, оставаясь самими собою, могли бы обѣими руками подписаться подъ его рѣчью. Ибо, повторяю, они говорили о правѣ, а не о томъ художественномъ воспроизведеніи злоупотребленія правомъ, которое Плехановъ клеймитъ названіемъ: бонапартизмъ.

Но если кто-нибудь скажетъ, что приписывая уральцамъ, чего они не говорили, самъ Плехановъ совершилъ подтасовку съ полемическими цѣлями, то я буду протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Подтасовка предполагаетъ сознательность. Плехановъ же въ творческомъ экстазѣ незамѣтно для самого себя перешелъ отъ публицистики къ беллетристикѣ и принялъ свой вымыселъ за реальность. Это психическое явленіе хорошо извѣстно художникамъ слова:

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Въ нашей средѣ художественные таланты такъ рѣдки, что я отъ всей души привѣтствую проявленіе этого таланта у Плеханова. Не нужно только принимать беллетристику за публицистику, противъ чего я и счелъ своимъ долгомъ предостеречь лицъ, которыя будутъ перечитывать статью „Централизмъ или бонапартизмъ?“ въ № 65 „Искры“.

Злоупотребленіе, конечно, всегда мыслимо. Какъ предотвратить его? Не организовать ли надцентральный комитетъ? А для надзора за нимъ еще сверхнадцентральный? Я, конечно, не приписываю такого нелѣпаго проекта ни „большинству“, ни „меньшинству“.

Повидимому, какъ ни повернись, все плохо: нельзя провести абсолютнаго запрещенія раскасси-

ровывать, и нельзя разрѣшить, потому что разрѣшеніе можетъ повести къ злоупотребленію.

Можетъ повести... Милыя слова! Съ какой яркостью вызываете вы во мнѣ воспоминаніе о скромной уютной комнатѣ, о казематѣ одиночной тюрьмы! Тамъ все предусмотрѣно, тамъ всѣ запрещенія мотивируются опасеніемъ того, къ чему можетъ повести разрѣшеніе. А самодержавная Россія — развѣ это не сплошной казематъ? Все предусмотрѣть, всюду предупредить проявленіе злой воли, заковать будущее въ ножные и ручные кандалы — это исконная забота самодержавнаго правительства, вѣчная мечта русской бюрократіи. Не намъ подражать ей, не намъ гнаться за Плехановымъ въ желаніи предупредить всякую возможность злоупотребленія правомъ со стороны Ц. К. Наше дѣло — условиться объ общемъ направленіи дѣятельности нашихъ центральныхъ учрежденій, опредѣлить въ самой общей формѣ ихъ права и обязанности. А вопросъ о томъ, какъ наши учрежденія должны проводить въ жизнь условленныя общія нормы, нужно предоставить рѣшить имъ самимъ. Нужно положиться на ихъ тактъ, опытность, пониманіе условій. Наше дѣло — помогать этимъ учрежденіямъ и доброжелательнымъ совѣтомъ указывать на ошибки, возможныя во всякомъ дѣлѣ.

— И только? — спроситъ недоумѣвающій читатель, — но тогда гдѣ же искать спасенія отъ злоупотребленій, которыя, какъ вы сами сказали, всегда мыслимы?

— Спасеніе въ соціальдемократіи, — отвѣчаю я.

Плехановъ понимаетъ дѣло какъ-то ужъ очень упрощенно. Онъ изобразилъ негодный Ц. К., посадившій креатуръ въ мѣстные комитеты, и воображаетъ, что Ц. К. при этомъ условіи все таки останется центральнымъ комитетомъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, а мѣстные комитеты — мѣстными комитетами этой партіи. Да вѣдь если партійныя учрежденія поведутъ дѣло такимъ образомъ, какъ онъ изображаетъ, то они окажутся просто внѣ соціальдемократіи, а соціальдемократія внѣ ихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстная соц.-демократія забьетъ тревогу и организуется заново гораздо раньше, чѣмъ нашъ гипотетическій Ц. К. доведетъ до конца свое преступное дѣло: болѣе того,—онъ самъ умретъ естественной смертью. Побольше вѣры, господа, въ творческую силу и будущность соціаль-демократіи, какъ соціально-неизбѣжнаго явленія!

— Для этого нужно, чтобы соціальдемократія уже существовала въ Россіи, — возразитъ мнѣ Аксельродъ.

Тутъ мы подходимъ вплотную къ новому источнику взаимнаго непониманія,—къ различной роли возрастного состава въ россійской и заграничной частяхъ партіи.

Въ одну повозку впрячь не можно коня и трепетную лань. Старость ходитъ осторожно и осмотрительно глядитъ. Тамъ, гдѣ веденіе дѣла сопряжено съ постоянной опасностью, передовая роль неизбѣжно выпадаетъ на долю молодежи. Въ Россіи, какъ общее правило (единичныя исключенія вездѣ возможны) человѣкъ посвящаетъ революціонной дѣятельности тѣмъ меньше силъ и времени, чѣмъ онъ старше. У активной молодежи, всегда готовой идти въ огонь, вырабатывается нѣсколько презрительный или пренебрежительный взглядъ на стариковъ, по большей части не въ мѣру осмотрительныхъ. Старики же, если не одержимы собачьей старостью, умѣютъ уважать молодежь. Не даромъ великій русскій писатель и тонкій наблюдатель постоянно говорилъ: „Сословіе мальчишекъ — очень почтенное сословіе“.

Начните знакомство съ составомъ россійской соціаль-демократіи отъ наиболѣе активныхъ кружковъ и комитетовъ,—и вы поразитесь молодостью, незрѣлостью ихъ членовъ. Если же копнете поглубже, то за спиной молодежи найдете и беззубыхъ, и плѣшивыхъ, и сѣдовласыхъ. Негодовать на такое распредѣленіе силъ—значитъ негодовать на несовершенство человѣческой природы. Безплодное негодованіе!

Молодежь лично малоопытна, но къ ея услугамъ—

историческій опытъ; она малообразована, но у нея— послѣднее слово науки: она мало конспиративна, но ея сила не въ личномъ долголѣтіи, а въ неистощимости источника силъ. Молодые дѣятели живутъ поразительно мало, они малообразованы, малоискусны, а движеніе не истребимо: за нихъ подрастающія поколѣнія, за ними — среда опытныхъ, образованныхъ, пожилыхъ, но слишкомъ осмотрительныхъ.

Заграницей все наоборотъ. Здѣсь французская, швейцарская, нѣмецкая молодежь когда то своей кровью завоевала свободу для всѣхъ, въ томъ числѣ и для удалившихся сюда русскихъ соціаль-демократовъ. Въ прекрасномъ далекѣ отъ жандармскихъ управленій трепетныя сѣдовласыя лани легко усваиваютъ аллюръ гордаго молодого коня. Въ оцѣнкѣ личности смѣлость, самоотверженность, сила субъективно-идеалистическихъ побужденій низводятся до минимума, а первымъ мѣриломъ выступаютъ извѣстность и умственный багажъ. Больше проживешь — больше прослывешь, а умственнаго багажа, по грошику да по копѣечкѣ, довольно ограниченный человѣкъ къ сорока годамъ насбираетъ больше, чѣмъ имѣлъ его Карлъ Марксъ въ двадцать лѣтъ. Вотъ и получается, что заграничная молодежь боится слово пропустить изъ рѣчи старика, а старички начинаютъ мѣрить достоинство революціонера тѣмъ, кто раньше подъ столъ пѣшкомъ ходить началъ. По этой мѣркѣ дѣятели, пріѣзжающіе изъ Россіи, оказываются эхомъ, шапкой, галеркой. Вѣра въ собственныя силы россійскихъ революціонеровъ пропадаетъ у заграничныхъ старичковъ. Конечно, они могли бы вспомнить собственную молодость, припомнить исторію русскаго революціоннаго движенія[1]); но въ разгарѣ споровъ прошлое забывается, и изъ подъ пера начина-

[1]) Единственная въ Россіи попытка создать основу революціонной организаціи изъ солидныхъ людей (партія Нар. Права) потерпѣла жалкое фіаско: она издала одну прокламацію, и вся ея активная часть *безъ слѣда* провалилась. А вѣдь въ ней былъ ворохъ многоопытныхъ, солидныхъ, энергичныхъ людей!

етъ тянуться неудобоваримая старческая канитель: — Нѣтъ практиковъ... нѣтъ соціаль-демократіи въ Россіи!.. Охъ-ти, Господи, всѣ суставы мозжатъ... мочи нѣтъ... что-то будетъ съ Рос. С.-Д. Р. Партіей! Что съ ней будетъ безъ насъ!..

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ, и въ старости остался молодымъ...

Успокойтесь, незамѣнимые! Вспомните, что понятіе незамѣнимости отдѣльныхъ лицъ неприложимо къ растущей общественной силѣ, что дѣятель, который вздумалъ бы, напримѣръ, спекулировать на свою незамѣнимость въ соціальдемократической партіи, неизбѣжно обреченъ на потерю своего вліянія!

Научитесь, заграничные старички и солидные люди, уважать россійскую революціонную молодежь, рабочую и интеллигентскую! Поймите неизбѣжность ея передовой роли въ движеніи! Уча ее, учитесь у нея! Вспомните время собственной молодости! Учитесь у нея! Чтобы критиковать, нужно получить увѣренность, что понимаешь. Кажется, нѣтъ на свѣтѣ дѣла болѣе сложнаго, болѣе зависящаго отъ случайностей, болѣе измѣнчиваго, чѣмъ работа русскаго революціонера. Чтобы критиковать его дѣйствія, нужно знать всѣ конкретныя условія каждаго отдѣльнаго случая, а не собирать сплетни на периферіи. Самое же главное — не нужно относиться съ предвзято-отрицательной точки зрѣнія, если не имѣешь тому основанія въ глубоко-продуманномъ и вполнѣ ясномъ для самого себя отрицательномъ отношеніи къ самымъ основнымъ принципамъ, которыми руководится въ работѣ критикуемый товарищъ. При оцѣнкѣ дѣятельности россійскихъ товарищей всегда наименьше шансовъ ошибиться, если исходишь изъ предположенія, что эти товарищи добросовѣстно дѣлаютъ все, что позволяютъ сдѣлать внѣшнія условія. И больше всего шансовъ ошибиться, если исходишь изъ предположенія о наличности злой воли. Не нужно забывать, что субъективно дѣятельность россійскаго революціонера опредѣляется чисто идеалис-

тическими мотивами. Спокойствіе, безопасность, здоровье, свобода, самая жизнь приносятся въ жертву идеѣ. Много ли мѣста остается злой волѣ?

Заграницей возможны случаи, когда работа на партію является вопросомъ честолюбія, общественнаго вліянія или насущнаго хлѣба. Забывая объ этомъ, мы будемъ имѣть новый источникъ недоразумѣній.

Напомню еще разъ основную мысль настоящей статьи. Заграничные товарищи невольно принимаютъ во вниманіе условія заграничной жизни въ большей мѣрѣ, чѣмъ россійскіе дѣятели,—невольно упускаютъ и должны упускать изъ виду нѣкоторыя россійскія особенности: поэтому при обсужденіи организаціонныхъ вопросовъ посылки для выводовъ у этихъ двухъ частей разныя, а спорящіе думаютъ, что онѣ тождественны. Отсюда неизбѣжность недоразумѣній.

Перехожу къ слѣдующему случаю взаимнаго непониманія, — къ нашумѣвшему вопросу о „винтикахъ и колесикахъ“ (ст. Аксельрода №№ 55 и 57 Искры). Заранѣе оговорюсь, что здѣсь источникъ недоразумѣнія нѣсколько иной, — недостаточная освѣдомленность заграничнаго товарища объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ русской жизни. Прежде чѣмъ приступить къ выясненію недоразумѣнія, я долженъ сказать нѣсколько словъ о взглядахъ Аксельрода по существу.

Аксельродъ приводитъ выдержку изъ устава какого то комитета: „Признавая, что при настоящихъ условіяхъ насильственный переворотъ въ Россіи можно провести лишь опираясь на готовую *къ повиновенію* (курс. Акс.) и къ открытому возстанію рабочую массу... мы главнымъ центромъ нашей работы ставимъ организацію рабочаго класса“. Нельзя не признать, что составители устава обнаружили „классически-наивное“ пониманіе не только предстоящихъ задачъ, но и всего хода историческаго процесса развитія русскаго соц.-дем. движенія, — и Аксельродъ оказывается въ общемъ солидаренъ съ ними, поскольку рѣчь идетъ о прошломъ.

Послушаемъ Аксельрода.

Русскій пролетаріатъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Задачу его пробужденія должна была взять на себя интеллигенція, которая вынуждалась къ тому своимъ историческимъ положеніемъ. Ея тяготѣніе къ соціализму и пролетаріату вызывается не классовой борьбой пролетаріата, а потребностью всѣхъ классовъ освободиться отъ пережитковъ крѣпостной эпохи. Послѣ пропаганды въ кружкахъ началась экономическая агитація. Появляется Искра и объявляетъ войну экономизму. Политическій итогъ экономической агитаціи выступилъ наружу въ событіяхъ 1901 г. Чтобы толкнуть пролетаріатъ на борьбу съ самодержавіемъ, исторія воспользовалась не рабочимъ движеніемъ, а студенческимъ. Если бы въ періодъ броженія 1901 г. была какая нибудь организованная революціонная буржуазная фракція, способная стать во главѣ рабочихъ массъ, наша партія сразу была бы оттѣснена на задній планъ. Соціаль-демократы оказались *стихійно-вовлеченными* (курс. Акс.) въ политическую борьбу, а не иниціаторами ея; затѣмъ всякое вовлеченіе рабочихъ въ борьбу съ самодержавіемъ пріобрѣло въ глазахъ многихъ соц.-дем. значеніе универсальнаго средства классоваго воспитанія. Механическій централизмъ резюмируетъ періодъ вовлеченія въ борьбу съ абсолютизмомъ рабочихъ массъ, уже начавшихъ стихійно проявлять накопившееся въ нихъ раздраженіе противъ полицейскаго произвола. На западѣ рабочія массы сознательны, и проэкты *административнаго* (курс. Акс.) подчиненія партіи хранителямъ доктрины не мыслимы. Но въ будущемъ практика поставитъ наше движеніе на такую почву, которая затруднитъ или сдѣлаетъ невозможнымъ противопоставленіе горсти избранныхъ носителей сознательности массѣ рабочихъ и массѣ практиковъ. Тогда и абсолютизмъ потеряетъ значеніе почвы, на которой произрастаютъ централистическія изліяніства.

Попробую противопоставить аксельродовскому

пониманію исторіи послѣдняго десятилѣтія другое пониманіе.

Разцвѣтъ промышленности, грюндерства и желѣзнодорожнаго строительства, усиливши спросъ на рабочія руки, толкнулъ рабочихъ на путь широкой стачечной борьбы. Подпольное рабочее движеніе вышло на свѣтъ, и сверкнувъ яркимъ пламенемъ, освѣтило путь для интеллигенціи, разбудило ея надежды на освобожденіе отъ самодержавнаго гнета; тепличная интеллигенція потянулась къ рабочему солнцу. На рубежѣ двухъ вѣковъ въ промышленности начинается заминка: она отражается въ сознаніи рабочихъ тѣмъ, что стачечная борьба за частичныя улучшенія быта представляется все менѣе умѣстной. Никогда не останавливающееся рабочее движеніе ищетъ новыхъ путей. Распространяется сознаніе, что причина гнета лежитъ не въ личной волѣ мастеровъ и хозяевъ. Далѣе разражается кризисъ, профессіонально-стачечная борьба становится прямо невозможной. Мысль борющагося пролетаріата сосредоточена на главной помѣхѣ рабочему движенію, — на самодержавіи. Ростъ рабочаго движенія ободрилъ и несоц.-демократовъ: студенты рѣшаются болѣе энергично, чѣмъ когда бы то ни было, протестовать противъ правительственнаго самодурства. Рабочіе пользуются этимъ случаемъ, чтобы выразить свое недовольство политическимъ строемъ. Благодаря участію рабочихъ въ студенческихъ волненіяхъ, правительство идетъ на уступки. Интеллигенція начала смотрѣть на политическія демонстраціи, какъ на панацею, на главное средство борьбы. Но чисто политическія демонстраціи скоро исчерпываютъ самихъ себя. Раньше чѣмъ интеллигенція поняла это, южные рабочіе въ Ростовѣ, потомъ и въ другихъ городахъ выдвинули новое орудіе, болѣе острое: всеобщую стачку въ соединеніи съ демонстраціями, при все болѣе усиливающемся «крикѣ»: „Долой самодержавіе!“ Тогда и въ интеллигенціи заговорили противъ односторонности чисто политической борьбы посредствомъ политическихъ демонстрацій.

Въ моей наскоро набросанной схемѣ могутъ быть частныя ошибки, много ошибокъ. Терзайте ее, поправляйте — это будетъ хорошо. А не хорошо то, что марксистъ Аксельродъ, изображая смѣну идейныхъ теченій знаменательнаго десятилѣтія, ухитрился ни словомъ не обмолвиться о смѣнѣ промышленнаго расцвѣта кризисомъ. У него интеллигенція выдумываетъ тактику, интеллигенція критикуетъ и мѣняетъ ее, интеллигенція вовлекаетъ рабочихъ въ движеніе, — словомъ она — пупъ вселенной. Вовлеченіе — понятіе соотносительное оно предполагаетъ активность со стороны однихъ, пассивность (повиновеніе) со стороны другихъ, въ данномъ случаѣ рабочей массы. Изъ марксиста Аксельрода нечаянно выскочилъ наружу семидесятникъ съ теоріей критически-мыслящей личности. Много ли пониманіе Аксельрода отличается отъ классически-наивнаго пониманія составителей комитетскаго устава?

Уральскіе представители обмолвились одной фразой, въ которой отожествили понятія: интеллигенція и революціонная соціальдемократія. За это имъ сильно влетѣло отъ Плеханова. Аксельродъ въ длиннѣйшей статьѣ поставилъ вверхъ ногами исторію десятилѣтія, — и ничего, сошло благополучно. Впрочемъ, будемъ снисходительны: Плехановъ не способенъ стрѣлять „по своимъ“.

И меньшинство продолжаетъ видѣть въ статьѣ Аксельрода (№№ 55 и 57) квинтъ-эссенцію своего новаго слова![1])

На зарѣ туманной юности впечатлѣнія сильны. Юношескія представленія о предметѣ остаются на всю жизнь, если не было случая подвергнуть ихъ провѣркѣ. Если позднѣйшія представленія слабы, получены изъ вторыхъ рукъ, то образуется при-

[1]) Составленіе историческаго очерка знаменательнаго десятилѣтія (1894—1904) крайне необходимо. Лучше будетъ, если составитель отложитъ въ сторону „замѣчательныя“ (см. ст. Дана, № 68 „Искры“) теоріи Аксельрода и будетъ довольствоваться скромной теоріей Маркса объ отношеніи между сознаніемъ и бытіемъ.

хотливая смѣсь изъ старыхъ и новыхъ представленій; она тѣмъ дальше отъ истины, чѣмъ болѣе измѣнился самый объектъ представленія. Положимъ, вамъ разсказывали о капитальномъ ремонтѣ родительскаго дома, въ которомъ вы не были много лѣтъ. Какъ бы точенъ и деталенъ ни былъ разсказъ, все таки въ вашемъ представленіи домъ будетъ больше похожъ на старый, чѣмъ на тотъ, какимъ онъ сталъ.

На зарѣ туманной юности Аксельродъ видѣлъ, какъ интеллигенція вовлекала рабочихъ; позже онъ слышалъ о массовомъ движеніи, читалъ, вѣроятно, брошюру Петербужца о рабочемъ движеніи въ Петербургѣ и многое другое, — и все таки не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ юношескихъ представленій. Онъ еще не вполнѣ понялъ, что значитъ рабочая среда, въ которой неблагонадежность — правило, благонадежность — исключеніе, — и не можетъ поэтому сдѣлать необходимыхъ выводовъ. Онъ не представляетъ себѣ, что рабочая среда, какъ цѣлое, живетъ революціонной жизнью, передаетъ политическія новости, обсуждаетъ, строитъ планы борьбы. Ему все рисуется интеллигентъ, вовлекающій отдѣльныхъ лицъ. А соціалъ-демократъ, желающій централизованной организаціи съ раздѣленіемъ труда, представляется ему человѣкомъ, который выхватываетъ облюбованнаго рабочаго изъ сѣрой массы и тотчасъ дѣлаетъ его изолированнымъ винтикомъ или колесикомъ революціонной машины.

Искренне прошу у товарища Аксельрода извиненія за экскурсію въ область его личной психологіи. Онъ самъ вынуждаетъ къ этому. Какъ иначе объяснить слѣдующую его фразу:

„Вся эта многочисленная армія (членовъ организаціи съ раздѣленіемъ труда) разбита на цѣлые ряды разсѣянныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга муравейниковъ, копошащихся каждый въ своемъ углу безъ связи съ другими.“

Если бы централисты-спеціализаторы и спятили съ ума, то какъ бы смогли они всетаки провести на

дѣлѣ разсѣяніе и изолированіе? Вѣдь каждый членъ организаціи по личной надобности ежечасно встрѣчается съ другими людьми, — съ рабочими своей фабрики, съ сослуживцами, сосѣдями, родственниками, пріятелями,—которыхъ онъ знаетъ за соціальдемократовъ и которые знаютъ его за такового. Чтобы изолировать, какъ изображаетъ Аксельродъ, нужно было бы каждаго члена организаціи держать весь день въ намордникѣ, а тотчасъ послѣ фабричнаго свистка вести подъ конвоемъ агента Ц. К. для исполненія спеціальныхъ организаціонныхъ обязанностей.

Рисуя карикатуру на то, чего не знаешь, самъ рискуешь стать смѣшнымъ.

Неудачную карикатуру Аксельрода мы читали. Въ какомъ же видѣ представляется дѣйствительность?

Революціонно-настроенная, хотя и не сплошь сознательно-соціальдемократическая среда уже существуетъ. Полиція до извѣстной степени вынуждена мириться съ этимъ фактомъ и не гонится за мнѣніями. Приходится скрывать только поступки. Какъ же скрыть виновниковъ такого, напр., поступка, какъ массовое распространеніе листковъ, и въ то же время распустить ихъ быстро повсюду? Если нѣсколько человѣкъ будутъ брать пачки и станутъ раздавать направо и налѣво, то или сами будутъ тотчасъ арестованы, или приведутъ хвосты (шпіоновъ) къ типографіи. Чтобы избѣжать этого, должна существовать спеціально-распространительская организація подъ руководствомъ комитета. Одно лицо обязуется, тотчасъ по доставкѣ ему тюка, разбить его на части и разнести нѣсколькимъ опредѣленнымъ лицамъ. Послѣднія въ свою очередь обязались развязать пачки и разнести и т. д. Если каждый обязывается разнести только по 5 квартирамъ, и организовано 5 степеней распространителей, то листки попадутъ быстро въ 3905 квартиръ (5 + 25 + 125 + 625 + 3125 = 3905). Комитету вовсе не нужно знать всѣ эти квартиры: агентъ 1-й степени знаетъ 5 районовъ, агентъ 2-й степени знаетъ 5

кварталовъ, агентъ 3-й степени 5 фабрикъ, и т. д. Конечно, въ большинствѣ случаевъ довольно будетъ 4, 3, даже 2 степеней агентовъ; не обязательно, чтобы всѣ знали по одинаковому числу квартиръ: иной можетъ съ удобствомъ разнести только въ 2 мѣста,—другой—въ 22. Весь мой разсчетъ только примѣрный[1]). Распространитель нѣсколько часовъ въ мѣсяцъ является винтикомъ или колесикомъ, — значитъ ли это, что онъ на всю остальную жизнь разсѣянъ, изолированъ, что онъ не можетъ жить общепартійной жизнью? Почему, спрашивается, не можетъ онъ читать „Искру“ совмѣстно съ пропагандистомъ и съ организаторомъ, почему они всѣ трое не могутъ придти къ заключенію, что статьи Аксельрода въ №№ 55 и 57 опоздали лѣтъ на тридцать?

Вся задача въ томъ, чтобы въ случаѣ надобности всякій по возможности зналъ, что онъ долженъ дѣлать, къ кому зачѣмъ обратиться. Иначе по поводу каждаго дѣла каждый разъ придется поднимать галдежъ или ѣдучи на охоту кормить собакъ.

Откуда же страсти, которыя мерещатся Аксельроду и другимъ заграничникамъ? Мерещатся потому, что они упускаютъ изъ виду совершившійся фактъ — образованіе среды, и представляютъ себѣ по старой памяти революціонера только какъ таинственнаго заговорщика, который отъ всѣхъ прячется. Мы споримъ о различныхъ объектахъ организаціи и потому не понимаемъ другъ друга.

Стараясь выяснить источники недоразумѣній, я все время исхожу изъ предположенія, что въ основѣ нынѣшняго дѣленія партіи лежитъ дѣленіе ея состава на россійскихъ и заграничныхъ товарищей. Ленинъ считаетъ источникомъ дѣленія антагонизмъ пролетарской и интеллигентской точекъ зрѣнія. Наши опредѣленія не такъ разнятся, какъ кажется съ перваго взгляда. Дѣйствительно, въ

[1]) Извиняюсь передъ россійскимъ читателемъ, что занимаю его вниманіе такими пустяками. Но какъ же иначе вразумить заграничныхъ „руководителей“?

Россіи задаетъ тонъ пролетаріатъ и интеллигентная молодежь, не имѣвшая времени закаменѣть въ психикѣ общественнаго положенія интеллигента; заграницей же руководящую роль играютъ пожилые литераторы, насквозь пропитанные специфически-интеллигентскими чертами психики.

Мнѣ кажется, что если бы обѣ спорящія стороны усвоили ту простую мысль, что нельзя подгонять подъ одинъ шаблонъ россійскую и заграничную части организаціи, то значительная часть недоразумѣній разсѣялись бы, и кризисъ утратилъ бы долю своей остроты.[1]) Заграничнымъ товарищамъ, усвоившимъ первую мысль, легче было бы сдѣлать и второй шагъ: признать, что они неизбѣжно, независимо отъ своей воли, таланта, образованности, являются менѣе компетентными судьями россійской дѣйствительности, чѣмъ россійскіе дѣятели, — признать, что заграничная обстановка неизбѣжно должна искажать ихъ представленія о нуждахъ россійскаго движенія. Чтобы признать a priori то и другое, требуется очень немногое отъ соціальдемократа: требуется только быть марксистомъ. А между тѣмъ, это признаніе, сдѣлавъ ихъ болѣе тактичными, освободило бы „колесики“ (беру это слово для удовольствія Аксельрода) россійскаго движенія отъ порядочнаго количества сору и значительно смягчило бы антагонизмъ между двумя частями партіи. Но все таки нѣкоторая разница въ пониманіи россійскихъ условій, нѣкоторый антагонизмъ двухъ частей неизбѣженъ. Лучшимъ доказательствомъ является Ленинъ, болѣе другихъ эмигрантовъ вникавшій въ детали россійской практики.

Въ письмѣ къ товарищу объ организаціонныхъ задачахъ можно найти слѣды оторванности Ленина отъ Россіи. Напримѣръ, онъ требуетъ обязательной

[1]) По вопросу объ отношеніи Ц. К. къ комитетамъ Плехановъ сначала согрѣшилъ, потомъ раскаялся. Бить покаянные земные поклоны не запрещается. Но зачѣмъ же стараться челомъ лбату пробить? Зачѣмъ свое рѣшеніе вопроса о заграничной Лигѣ навязывать организаціямъ, дѣйствующимъ въ Россіи?

передачи въ сохранное мѣсто заграницей (въ бюро Ц. К. или Ц. О.) нѣсколько адресовъ членовъ каждаго революціоннаго кружка въ Россіи съ цѣлью возстановленія связей послѣ арестовъ. Кто знаетъ страшную измѣнчивость состава россійскихъ организацій,[1]) тому такой проэктъ не пришелъ бы въ голову. Исполняя требованіе Ленина, пришлось бы то и дѣло извѣщать бюро о перемѣнахъ состава и перемѣнахъ квартиры членами кружковъ. Извѣщенія пришлось бы шифровать, расшифровывать, опять шифровать для храненія. Бюро было бы завалено ненужной работой. Есть другія средства; на помощь должны прійти связи съ тюрьмой, а если ихъ нѣтъ, то ловкость, нюхъ, спеціальный навыкъ. Опытный революціонеръ-практикъ, встрѣтивъ другого въ обывательской квартирѣ и ничего не зная о немъ, очень быстро не только пойметъ его, но и опредѣлитъ его уровень, характеръ, даже приблизительное мѣсто въ организаціи.

Ошибка Ленина показываетъ, что кризисовъ, подобныхъ нынѣшнему, не устранишь присылкой заграницу свѣжихъ литераторовъ: черезъ нѣкоторое время они тоже озаграничатся. Антагонизмъ между Россіей и заграницей неустранимъ, пока не устранено самодержавіе. Но вредныя проявленія его будутъ минимальны, если заграничники (или болѣе видные изъ нихъ) обладаютъ вниманіемъ, тактомъ, умѣніемъ сознавать свои ошибки и признаваться въ нихъ, способностью ставить себя на свое мѣсто. Но бѣда, если заграничники заболѣютъ маніей величія, вообразятъ себя сверхчеловѣками и т. п.! Лучшимъ профилактическимъ (предупредительнымъ) средствомъ противъ такихъ болѣзней является возможно-меньшее проявленіе суздальства со стороны россіянъ: послѣдніе должны почаще вспоминать, что хорошій сапожникъ

[1]) Измѣнчивость зависитъ не только отъ полицейскихъ разгромовъ, но еще больше — отъ перемѣны мѣста жительства, перехода изъ одной части организаціи въ другую, изъ одной фракціи въ другую, отъ усталости, разочарованія, несогласій, временныхъ личныхъ обстоятельствъ и проч. и проч.

можетъ быть плохимъ пирожникомъ, что прекрасный теоретикъ скорѣе исключаетъ, чѣмъ предполагаетъ, умѣлаго практика.

Чтобы заграничные литераторы не разучились понимать россійскихъ товарищей, не нужно отдалять ихъ отъ обыденной практики и замыкать въ изолированную литераторскую или редакціонную коллегію, какъ это сдѣлалъ второй съѣздъ (отчасти вопреки первоначальному проэкту Ленина). Желательно, чтобы литераторы входили и въ практическія организаціи, имѣющія дѣло не съ одной заграницей. Но рѣшающій голосъ въ вопросахъ россійской практики долженъ принадлежать россіянамъ.

Раньше чѣмъ окончить статью, я хочу сказать нѣсколько словъ о недоразумѣніи совсѣмъ особаго рода. Въ статьѣ „Теперь молчаніе невозможно" Плехановъ выставилъ, не приводя фактовъ, рядъ обвиненій противъ Ц. К. и его заграничныхъ представителей. Аксельродъ увѣрялъ Каутскаго („И." № 68), что требованія „Ленина и его приверженцевъ"[1]) вырождаются *на практикѣ* (курс. Акс.) въ заурядную, жалкую каррикатуру на бюрократическій-автократическую систему нашего М-ва Вн. Дѣлъ.

Наивные герои былиннаго эпоса бывало говорили о себѣ:

— Я, поганый басурманъ Змѣй Тугаринъ, и т. д.

Въ наше время наивные Змѣи Тугарины нашли покой на книжныхъ полкахъ; мы не рискуемъ имѣть ихъ въ составѣ партіи. Поэтому и отъ членовъ одной изъ ея половинъ мы не ждемъ, чтобы они рекомендовали себя:

— Я, поганый басурманъ членъ большинства такой-то...

Или, выражаясь языкомъ Плеханова-Аксельрода:

[1]) Слѣдовало сказать: „большинства партіи и его наиболѣе виднаго представителя заграницей". Дѣлаю поправку безъ объясненія, надѣясь, что Аксельродъ вообще слышалъ кое-что изъ марксистскихъ взглядовъ на отношеніе между личностью и массой, что онъ сможетъ хоть на минуту отрѣшиться отъ теоріи критически-мыслящей личности.

— Я, бонапартистъ, бюрократъ, жалкая и заурядная карикатура и т. д.

Если я поступаю, какъ жалкая, заурядная карикатура и т. д., то это прежде всего означаетъ, что я не сознаю себя карикатурнымъ. И если, называя меня такъ, не только не доказываютъ этого, но даже не приводятъ фактовъ, то я, при самомъ даже критическомъ отношеніи къ самому себѣ, не въ состояніи смотрѣть на обвиненіе иначе, какъ на плодъ воображенія. Вмѣсто того, чтобы послушаться обвинителей и поспѣшить исправиться, я, (и всякій на моемъ мѣстѣ) перестаю относиться къ нимъ серьезно, а ихъ рѣчи начинаю принимать за чарованье сладкихъ вымысловъ.

Послѣ сказаннаго понятно возникновеніе недоразумѣнія, будто уважаемые товарищи Плехановъ и Аксельродъ, которыхъ мы столько лѣтъ считали только за публицистовъ, теперь оказались, еще и поэтами. Кое-кто собирался уже подносить лавровые вѣнки трагику Плеханову и комику Аксельроду, признавая ихъ за корифеевъ новой плеяды вдохновенныхъ партійныхъ художниковъ слова, какъ вдругъ всѣ прочли:

— Данныхъ у меня достаточно (Плехановъ, отвѣтъ Лядову). Если бы я привелъ нѣсколько примѣровъ, то ты призналъ бы, что я — mutatis mutandis — нисколько не преувеличиваю (Аксельродъ № 68).

Значитъ, они говорили серьезно! Ахъ, какой пассажъ!

Приходится распутывать недоразумѣніе.

Я съ своей стороны увѣренъ, что Плехановъ и Аксельродъ дѣйствительно имѣютъ въ виду опредѣленные факты. По моей догадкѣ, недоразумѣніе вышло вслѣдствіе того, что они видятъ въ этихъ фактахъ карикатуру и т. д., а виновники фактовъ считаютъ ихъ нормальными для революціонера. Чтобы судить, кто правъ, нужно имѣть эти факты передъ собою. Къ сожалѣнію, я ничѣмъ не могу подтвердить своей догадки, не могу указать на спорные факты. Я безпомощенъ. Не по-

могутъ ли мнѣ Плехановъ и Аксельродъ? Конечно, я не пристаю, какъ тов. Лядовъ, съ ножемъ къ горлу: помогайте!!) Напротивъ, если они считаютъ безразличнымъ, по какому отдѣлу исторіи литературы ихъ запишутъ, то, пожалуй и трудиться приводить факты не стоитъ, — развѣ что лавровые вѣнки зря посохнутъ...

* * *

Я окончилъ статью и задумался: какимъ псевдонимомъ подписаться? Мнѣ вспомнился Мартовъ и его великолѣпное презрѣніе къ галеркѣ, которая рукоплещетъ Ленину. Въ качествѣ микроскопическаго совѣтника Иванова, члена поганаго басурманскаго большинства, я никакъ не могу вмѣстить пространнаго Мартовскаго великолѣпія. Мартовъ презираетъ галерку. Для кого же онъ пишетъ? Неужели для генераловъ креселъ и для купчихъ бель-этажа?

Я люблю театръ, и почему то такъ случается, что всегда попадаю на галерку. Публика галерки мнѣ по душѣ, я чувствую себя здѣсь между своими. И къ вамъ товарищи по мѣсту въ театрѣ и по работѣ въ партіи, — къ вамъ, рабочіе, студенты, курсистки и всякаго рода поднадзорные, будетъ мое послѣднее слово. Я обращаюсь къ вамъ съ просьбой извинить меня за то, что свой единоличный трудъ осмѣливаюсь подписать нашимъ общимъ собирательнымъ именемъ.

Галерка.

---

[1]) Вообще, не слѣдуетъ пугать людей, когда хочешь объясниться: отъ испуга можетъ приключиться родимчикъ, и человѣкъ вмѣсто дѣла понесетъ околесицу о томъ, былъ ли онъ у исповѣди и причастія.

Недоразумѣнія разсѣялись!

Партійной смутѣ не предвидится конца.

Крутая ломка нашей психики — условіе успѣшной ликвидаціи кружковаго періода. Партія несетъ за собою и освобожденіе, и стѣсненіе личности. По сравненію съ кружкомъ, въ партіи больше простора для самостоятельнаго убѣжденія: какъ большее цѣлое она не можетъ равнять убѣжденія членовъ подъ одинъ ранжиръ. Слѣдствіемъ является большее уваженіе къ чужому мнѣнію. По сравненію съ кружкомъ, въ партіи больше стѣсненія самостоятельности дѣйствій; нужно сообразоваться съ ходомъ жизни и интересами большаго цѣлаго. Принципъ законности получаетъ значеніе, неизвѣстное кружкамъ. При переходѣ отъ кружковъ къ партіи особенно трудную ломку должны продѣлать надъ собой бывшіе вожаки кружковъ, стоявшіе каждый во главѣ своего однороднаго цѣлаго и не привыкшіе давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Мысль, что партія и кружокъ требуютъ различнаго психическаго склада участниковъ, была кажется не совсѣмъ чужда Мартову, когда онъ вернулся въ составъ редакціи. Къ сожалѣнію ни Мартовъ, ни редакція въ цѣломъ не развили этой мысли и не устояли на партійной точкѣ зрѣнія. Центральный органъ партіи скоро превратился въ боевой органъ „меньшинства“ противъ „большинства“. Получилось положеніе: органъ безъ партіи и партія безъ органа.

Горькое положеніе! Сила вся души великая въ дѣло братоубійственной войны ушла. Въ статьяхъ противъ большинства и мысль, и страсть, и сила; во всѣхъ прочихъ статьяхъ — вода и ни одной свѣжей мысли. Не лучше дѣло обстоитъ и

у большинства. Слѣдуетъ заключить, что существуетъ общая причина литературнаго безплодія. Перечтите для примѣра статью Плеханова: „Теперь молчаніе невозможно“ и отвѣтъ Лядову. Эти крохотныя по размѣру статьи писаны кровью сердца и сокомъ нервовъ. До и послѣ такой работы способность думать о другихъ предметахъ падаетъ почти до умственной прострацiи. Мудрено ли, что мы теперь такъ рѣдко слышимъ столь нужную для партiи руководящую рѣчь Плеханова по вопросамъ, не имѣющимъ отношенiя къ смутѣ?

А Ленинъ? Никто не заподозритъ его трудоспособности вообще. Но онъ за много мѣсяцевъ смогъ написать только одну брошюру по вопросу о смутѣ: эта брошюра изсушила его мозгъ и можетъ быть надолго лишила трудоспособности.

Не то же ли сталось и съ другими партiйными литераторами? Понятно, что ростъ партiйной литературы, внѣ вопроса о смутѣ, остановился.

Оглянитесь наконецъ кругомъ себя: о чемъ говорятъ въ заграничныхъ русскихъ соцiальдемократическихъ кружкахъ съ наибольшимъ интересомъ? къ чему постоянно возвращается ваша мысль? Это все онъ же, проклятый вопросъ о большинствѣ и меньшинствѣ, получившiй характеръ психоза (навязчивой идеи).

И это при условiи, что общiе принципы обѣихъ сторонъ такъ близки, программа одна, пониманiе задачъ почти одинаково, — при условiи, что въ Россiи обѣ стороны работаютъ совмѣстно въ комитетахъ. Гдѣ же причина такой страстности междуусобiя?

„Меньшинство“ характеризуетъ тактику противника, какъ бюрократизмъ, бонапартизмъ, осадное положенiе. Черта, общая всѣмъ этимъ тремъ терминамъ — отсутствiе гарантiй правъ личности, вплоть до права на существованiе. Это царство бѣлаго террора; наиболѣе виднаго члена большинства можно безъ особой натяжки приравнять къ Робеспьеру (смотри отчетъ Спб. Дел.).

Противъ ножа гильотины закопна всякая борьба,

— и меньшинство совсѣмъ не двусмысленно высказало стремленіе отправить на политическую гильотину самого „Робеспьера“. Въ такой борьбѣ не задумываются надъ средствами.

Полно, господа! Если идеи на штыки не улавливаются, то слѣдовательно и трудные вопросы партійнаго роста смертными казнями не разрѣшаются!

Передо мной совсѣмъ еще недавно (по особымъ обстоятельствамъ) стоялъ вопросъ: куда примкнуть? Со сторонами я могъ познакомиться только по печатнымъ источникамъ и проникся сильнѣйшимъ предубѣжденіемъ противъ большинства за его бюрократизмъ, бонапартизмъ и практику осаднаго положенія. Я готовъ былъ растерзать Ленина за его фразы объ осадномъ положеніи и кулакѣ. Оставалось примкнуть къ меньшинству. Но вотъ бѣда: я не могъ найти въ печати указанія на такіе общіе принципы, которые по своей ясности, важности и неотложности оправдали бы революціонный образъ дѣйствій по отношенію къ съѣзду и его постановленіямъ. Легко смотрѣть на рѣшенія съѣзда можно только въ томъ случаѣ, если видѣть въ немъ не съѣздъ, а свозъ, какъ выражается Рязановъ; но принять взглядъ Рязанова я по совѣсти не могъ. Оставалось выбирать одно изъ двухъ:

Первое: Подвергнуть себя тираніи осаднаго положенія, подчиниться требованію „слѣпого повиновенія“, „узкому толкованію партійной дисциплины“, возведенію принципа „не разсуждать“ въ руководящій принципъ; признать за высшими учрежденіями „власть приводить свою волю въ исполненіе чисто механическими средствами“ и т. д. (См. протоколы съѣзда Лиги, предисловіе Дана и Лѣсенко стр. VI).

Второе: Стать подъ знамя возстанія, помочь разрывать уже съорганизованную партію, и не въ силу расхожденія въ основныхъ принципахъ, а изъ-за недовольства деталями устава и способомъ его примѣненія.

Ни туда, ни сюда. Положеніе трагическое.

Читаю дальше Протоколы Съѣзда Лиги: „Циркуляръ Ц. К...“ и т. д. Читаю и негодую: „Вотъ онъ, дезорганизаторскій бюрократизмъ: не успѣли обносить мундировъ, а уже строчатъ циркуляры!“ Ищу бонапартизма въ содержаніи циркуляра, и узнаю, что Ц. К. обратился къ Лигѣ съ приглашеніемъ помочь преобразованію Лиги съ цѣлью: а) допустить въ нее бывшихъ борьбистовъ, рабочедѣльцевъ и т. п.; б) образовать по городамъ секціи Лиги „съ большей или меньшей автономностью“.

Дезорганизаторское третированіе (см. Аксельрода) и... желаніе облегчить доступъ въ партійныя организаціи представителямъ всѣхъ соціальдемократическихъ теченій! Требованіе слѣпого повиновенія и... автономія секцій! Тутъ что то не такъ... Въ новомъ уставѣ Лиги объ автономіи секцій ни слова: кто же были эти бонапартисты, помѣшавшіе провести принципъ автономіи? Во всякомъ случаѣ, если Ц. К. допускаетъ борьбистовъ и рабочедѣльцевъ, то и мнѣ не запретятъ „разсуждать“. Такъ разсѣялся одинъ изъ кошмаровъ, давившихъ меня послѣ прочтенія предисловія къ протоколамъ съѣзда Лиги. Я началъ понимать, какое большое мѣсто въ рѣчахъ и статьяхъ меньшинства занимаетъ беллетристика. Чтобы опредѣлить, насколько новые беллетристы вѣрны завѣтамъ реалистической школы въ искусствѣ, я рѣшилъ поближе познакомиться съ тѣмъ, какъ проводятся на практикѣ принципы бюрократизма, бонапартизма и осаднаго положенія. И то ли ужъ неудачи меня преслѣдовали, только я узналъ многое, а гильотины всетаки въ работѣ у „большинства“ не видалъ, робеспьеровъ не встрѣчалъ, требованія слѣпого повиновенія не слыхалъ. Осмѣливался даже почтительно разсуждать, — и ничего, живъ!

Скажу яснѣе. Я заявилъ, что оставляя пока про себя, какъ не относящуюся къ дѣлу, свою оцѣнку дѣйствій большинства и меньшинства на съѣздѣ и послѣ съѣзда, я не вижу въ настоящее

время основаній къ революціонному образу дѣйствій противъ учрежденій, избранныхъ съѣздомъ. Этого оказалось вполнѣ достаточно, чтобы встрѣтить самое лучшее товарищеское отношеніе со стороны большинства, чтобы получить работу по своимъ силамъ и вкусу, безъ всякихъ не нужныхъ стѣсненій. По личному опыту и по наблюденію я убѣдился, что страшныя слова: бюрократизмъ и т. д. — по меньшей мѣрѣ недоразумѣніе. Когда же Плехановъ, а за нимъ и Аксельродъ, заговорили въ печати о наличности какихъ то недоразумѣній, я рѣшилъ заняться раскрытіемъ причины недоразумѣній, и написалъ свою первую статью. Получивъ № 68 „Искры“ я сталъ колебаться: стоитъ ли эту статью печатать? Колебаніе было вызвано рѣшеніемъ Совѣта, опубликованнымъ подъ № 3 въ № 68 Ц. О. Совѣтъ обсуждалъ вопросъ о томъ, можетъ ли Ц. К. нарушать автономію мѣстныхъ комитетовъ, вводя въ нихъ, противъ ихъ воли, новыхъ членовъ. Для спасенія автономіи Совѣтъ рѣшилъ, что мѣстные комитеты имѣютъ право отказываться отъ принятія новыхъ членовъ, рекомендуемыхъ Ц. К.; но Ц. К. имѣетъ право апеллировать въ этихъ случаяхъ въ Совѣтъ. Слѣдовательно, рѣшающій голосъ принадлежитъ Совѣту.

Прочитавши это постановленіе, я вздохнулъ съ облегченіемъ: партійная смута кончена! Я ждалъ, что Плехановъ обратится къ сторонникамъ меньшинства съ такой приблизительно рѣчью:

— Товарищи! „Я централистъ, но не бонапартистъ. Я стою за созданіе сильной централистической организаціи, но я не хочу, чтобы центръ нашей партіи съѣлъ нашу партію... Указанный мною вопросъ есть центральный пунктъ всѣхъ нашихъ организаціонныхъ споровъ. Какъ только онъ получитъ надлежащее разрѣшеніе, всѣ остальные спорные пункты уладятся почти сами собой“. („Искра“ № 65). Теперь этотъ вопросъ рѣшенъ: Ц. К. не можетъ наполнять мѣстные комитеты своими креатурами, — нѣтъ болѣе мѣста бонапартизму. Протеста противъ постановленія Совѣта не

послѣдовало. Конечно, насъ будутъ упрекать: будутъ говорить, что объявляя себя врагами бюрократизма, мы на дѣлѣ усиливаемъ бюрократизмъ тѣмъ, что переносимъ мѣстныя дѣла на рѣшеніе заграничной коллегіи; будутъ говорить, что Совѣтъ, присвоивая себѣ право пополнять мѣстные комитеты, съ согласія Ц. К., креатурами центральныхъ учрежденій, вовсе не является охранителемъ автономіи мѣстныхъ комитетовъ. Но все это будутъ говорить лишь люди, неспособные вмѣстить открытыхъ мною новыхъ законовъ діалектики. Метафизически-мыслящее бюрократическое большинство — рабы формальности и не посмѣютъ нарушать постановленія Совѣта. Какъ бы то ни было, опасность бонапартизма устранена. Теперь надъ нами не каплетъ. Нужно прекратить взаимную потасовку; теперь можно обсуждать принципы болѣе хладнокровно и внимательно, безъ взаимныхъ попрековъ и обвиненій. Прекратимъ же братоубійственную войну, начнемъ ближе присматриваться къ дѣятельности большинства, чтобы не давать мѣста недоразумѣніямъ, а главное — поспѣшимъ по возможности наверстать потери партіи и займемся положительной работой. Повторяю: „всѣ остальные спорные пункты уладятся почти сами собой“. („Искра“ № 65, напеч. курс.)

Къ сожалѣнію, мы не услышали такой или подобной рѣчи Плеханова. Вотъ уже скоро годъ, какъ два раза въ мѣсяцъ мы надѣемся: „—Этотъ № „Искры“ — вѣроятно послѣдній номеръ, который посвященъ партійной смутѣ“. И два раза въ мѣсяцъ терпимъ разочарованіе. Тоже разочарованіе принесъ и № 69. Если походъ противъ большинства или отдѣльныхъ его представителей продолжается въ Ц. О. партіи, и послѣ постановленія Совѣта, то слѣдуетъ думать, что дѣло не такъ просто, какъ указывалъ Плехановъ въ № 65. Очевидно, редакціи Ц. О. удалось глубже проникнуть въ сущность разногласій; дѣйствительно, въ № 69 мы находимъ новую ихъ формулировку. Мартовъ пишетъ:

—„Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ вопросъ... Разносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ“ въ общереволюціонную борьбу съсамодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ“.

Мартовъ блестяще углубилъ и разъяснилъ вопросъ.

Чтобы облегчить читателю полученіе представленія о томъ, на какія двѣ фракціи дѣлилась до сихъ поръ наша партія, каковы желанія каждой изъ нашихъ фракцій, я напишу формулировку Мартова въ слѣдующемъ видѣ:

Чего хотятъ

Добродѣтельные (по старой терминологіи — меньшинство)	Порочные (по старой терминологіи — большинство)
1. Пролетарской партіи.	1. Организаціи интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ.
2. Разносторонней соціальдемократической тактики, развивающей элементы *такой* партіи.	2. Упрощенной тактики „вовлеченія массъ“ въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата.
3. Политической самодѣятельности пролетаріевъ,	3. Вѣчной опеки надъ пролетаріями непролетарской организаціи.

4. Почитанія родителей, законныхъ браковъ, воспитанія дѣтей.	4. Неуваженія къ родителямъ, осквернения дѣвъ, разбиванія младенцевъ о камни.

Принимая въ соображеніе и добавленный мною четвертый пунктъ, — за кого вы, читатель? Надѣюсь, за добродѣтельныхъ? И мы (галерка) тоже за нихъ.

Отбросивъ четвертый пунктъ, за кого вы, читатель? Все-таки за добродѣтельныхъ? И мы тоже за нихъ.

Эффектъ въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковый. Браво! Нѣтъ теперь въ партіи ни большинства, ни меньшинства, всѣ стали добродѣтельцами! Единство возстановлено!

А что скажетъ микроскопическій абсолютистъ, неукротимый дезорганизаторъ Ленинъ? О, его мы теперь не боимся! Онъ сраженъ на смерть однимъ храбрымъ тамбовскимъ дворяниномъ, надъ его могилой прочитано Мартовымъ надгробное слово! Смута въ партіи разрѣшилась къ общему благополучію.

Теперь нужно объяснить, зачѣмъ я добавилъ четвертый пунктъ. Какъ Сервантесъ убилъ рыцарскіе романы своимъ Донъ-Кихотомъ, такъ Мартовъ сокрушилъ злодѣевъ изъ большинства своей пьесой въ № 69 „Искры“. Но ужъ если бить, то на смерть! Я хотѣлъ помочь Мартову, усилить эффектъ его мелодрамы. Вѣдь если изобразить мелодраматическаго злодѣя не во всѣхъ сферахъ его жизни, то у зрителя можетъ зародиться подозрѣніе, что данный герой, будучи злодѣемъ въ общественной жизни, у себя дома является примѣрнымъ семьяниномъ, Отъ такого подозрѣнія одинъ шагъ до сочувствія, особенно если у зрителя есть дочери-невѣсты. Нѣтъ! Ужъ если злодѣй, то злодѣй во всемъ и всегда, — таково неизмѣнное требованіе мелодраматическаго искусства.

Поставленная на сцену съ моими добавленіями и даже безъ оныхъ, пьеса Мартова произведетъ фуроръ. Стыдясь недавнихъ жидкихъ рукоплес-

каній Ленину, мы разразимся громомъ аплодисментовъ по адресу Мартова. Театръ задрожитъ отъ криковъ: автора! автора! Съ галерки полетятъ вѣнки. Успѣхъ смягчаетъ сердце, — и Мартовъ милостиво подниметъ одинъ изъ вѣнковъ, брошенныхъ съ презрѣнной галерки.

Апофеозъ: члены редакціи и сотрудники новой „Искры“ держатъ надъ головой Мартова лавровые вѣнки, перевитые номеромъ 69 „Искры“. Роза Люксембургъ, простирая руки надъ виновникомъ торжества, благословляетъ его. На заднемъ планѣ, надъ могилой Ленина, блеститъ свѣжій осиновый колъ. Шествіе, подъ маршъ изъ оперы Карменъ, вокругъ могилы Ленина.

Однако, не пора-ли литераторамъ меньшинства перестать чаровать публику сладкими вымыслами, не пора ли сказать о товарищахъ изъ большинства хоть слово прозы? На одной поэзіи не далеко уѣдешь...

Галерка.

Наконецъ-то![1])

Итакъ, намъ, сторонникамъ партійнаго большинства, дана будетъ возможность систематически, въ литературной формѣ статей, высказываться на страницахъ центральнаго органа партіи. Это формально заявлено въ 66 № „Искры", въ отвѣтѣ редакціи на резолюцію Тверского Комитета... Мы очень рады этому, и конечно, воспользуемся разрѣшеніемъ. Странно только одно. Въ своемъ отвѣтѣ на резолюцію, которая, повидимому, и имѣла отчасти въ виду добиться такого заявленія, редакція дѣлаетъ видъ, что эта полная возможность для насъ высказываться въ „Искрѣ" была чѣмъ-то само собою подразумѣвающимся, и если сторонники большинства ею не пользовались, то виноваты только они сами. Къ сожалѣнію, это невѣрно.

Когда какой-нибудь литературный органъ желаетъ дать мѣсто на своихъ страницахъ статьямъ противниковъ, противъ которыхъ ведетъ ожесточенную полемику, то онъ *сообщаетъ* имъ это. Въ противномъ случаѣ, со стороны противниковъ было бы просто смѣшно посылать свои статьи въ редакцію; лучше ужъ адресовать ихъ прямо въ редакціонную корзину. Гдѣ и когда редакція приглашала насъ высказываться?

Въ прошломъ году редакція „Искры" два раза выступала съ такими приглашеніями. Но... оба они къ намъ не относились. Въ первый разъ это было при старой, „неуступчивой" редакціи сторонниковъ большинства: Плехановъ и Ленинъ обращались къ *литераторамъ меньшинства* съ просьбою высказаться въ „Искрѣ". Тѣ предпочли отвѣтить оффиціальнымъ заявленіемъ о бойкотѣ. Во второй разъ это было уже при нынѣшней редакціи: она предлагала *комитетамъ* присылать резолюціи по поводу положенія дѣлъ въ партіи, и обѣщала печатать эти резолюціи безъ различія направленій. О статьяхъ отдѣльныхъ членовъ большинства тамъ ничего не говорилось. Кажется, дѣло ясное...

Редакція напоминаетъ о напечатанномъ ею письмѣ тов. Александрова. Но письмо это представляло изъ себя скорѣе рядъ вопросовъ, чѣмъ полемику. Какіе выводы могли мы сдѣлать изъ этого факта, когда мы знали, что тогда же полемически выясняющее вопросъ письмо Ленина было не то отклонено, не то отложено въ долгій ящикъ. Мы, рядовые работники большинства, могли ожидать только того, что съ нами станутъ церемониться еще меньше. Нечего сказать, веселое это занятіе, живя, напр., въ Россіи, гдѣ на каждаго работника ложится такая по-

[1]) Было напечатано въ № 70 „Искры". Перепечатывается вмѣстѣ съ отвѣтомъ редакціи. *Рядовой.*

давляющая масса работы, писать и отсылать со всякими трудностями статьи, которымъ почти нѣтъ шансовъ послужить для чего-либо иного, кромѣ развлеченія редакціи. Нужна совсѣмъ особая психологія, чтобы найти достаточное поощреніе къ работѣ въ той мысли, что „а можетъ быть — ха-ха — и помилуютъ!“

Если редакція хотѣла дать намъ высказываться, то она *вдвойнѣ обязана была* открыто заявить это, потому что 4 изъ 5 ея членовъ не находили возможнымъ работать въ газетѣ вмѣстѣ съ нами тогда, когда „Искра“ находилась въ рукахъ избранной съѣздомъ редакціи. Поэтому „легкомысленнымъ“ приходится считать вовсе не „обвиненіе“, выраженное Тверскимъ Комитетомъ, а тотъ пріемъ, посредствомъ котораго редакція *старается* свалить съ больной головы на здоровую отвѣтственность за свою — въ лучшемъ случаѣ — небрежность[1]).

Такъ или иначе, теперь обѣщаніе дано, дѣло улажено, и я пользуюсь этимъ, чтобы высказаться по поводу двухъ самыхъ крупныхъ за послѣднее время актовъ полемики со стороны нашихъ противниковъ — по поводу фельетона Плеханова въ 65 № „Искры“ и письма Каутскаго — № 66.

Въ своемъ фельетонѣ „Централизмъ или бонапартизмъ?“ тов. Плехановъ выясняетъ сущность своихъ разногласій съ теперешнимъ большинствомъ партіи. Онъ сводитъ ее къ вопросу о *безусловномъ правѣ раскассированія отдѣльныхъ партійныхъ организацій*, правѣ, которое, по его словамъ, большинство партіи хочетъ дать Ц. К., а меньшинство — не хочетъ давать. Такъ представляется дѣло Плеханову. Къ счастью для большинства, Плехановъ сильно ошибается.

Откуда, собственно, почерпнулъ онъ свои свѣдѣнія о такой „бонапартистской“ точкѣ зрѣнія большинства?

Даже въ той резолюціи трехъ представителей большинства, которую онъ цитируетъ, говорится только о „правѣ раскассированія“, но *не о безусловномъ и безконтрольномъ* правѣ, какое изображаетъ Плехановъ. О безусловномъ правѣ такъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ представители стоятъ вѣдь на почвѣ постановленій съѣзда, который создалъ высшую, контрольную инстанцію надъ Ц. К. — Совѣтъ партіи. А что касается *ограниченнаго* права раскассированія, то на съѣздѣ тов. Мартовъ объяснялъ, что такое право дать Ц. К. можно и не опасно, потому что Ц. К. во всякомъ случаѣ серьезно подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится на такой важный шагъ, какъ распущеніе какой-

[1]) Оказывается, не совсѣмъ „небрежность“: я былъ плохо освѣдомленъ объ этомъ дѣлѣ. Вотъ что напечатанно, между прочимъ, въ „докладѣ о II съѣздѣ“, изд. Одесскаго Комитета Партіи (стр. 23, прим.):

„Письмо Ленина не было напечатано; *точно также и заявленіе заграничнаго представителя Ц. К.* Не былъ напечатанъ *цѣлый рядъ писемъ въ редакцію и заявленій*.., точно также *письмо „Что случилось?“ не увидѣло свѣта „Искры“*, но за то былъ напечатанъ насмѣшливый разборъ этого письма“ и т. д. (курсивъ вездѣ мой Р.). Милая редакція, какъ же вы это забыли?

нибудь организаціи. Другой товарищъ указалъ на одинъ дѣйствительный случай, гдѣ необходимо было самое быстрое „раскассированіе“: въ организаціи былъ провокаторъ, а она не хотѣла распускаться.

Плехановъ указываетъ, что на съѣздѣ Лиги онъ самъ, вмѣстѣ съ Ц. К., защищалъ „нѣкоторыя требованія“ бонапартистскаго характера, конечно, по недоразумѣнію. Допустимъ, что это такъ. Но вѣдь по вопросу о Лигѣ Ц. К. *уступилъ*, отказался отъ своихъ требованій; гдѣ же тутъ основанія обвинять его *теперь* въ „бонапартизмѣ?“ Тогда надо обвинять и Плеханова.

Плехановъ говоритъ, что Ц. К. „не разъ выражалъ увѣренность, что ему принадлажитъ неограниченное право раскассировывать человѣковъ“. Гдѣ и когда это заявлялось? И какимъ образомъ Совѣтъ партіи допустилъ такую узурпацію своего права — быть высшимъ истолкователемъ устава между съѣздами? Я, сторонникъ большинства, знающій очень многихъ его членовъ, отъ самыхъ видныхъ дѣятелей до рядовыхъ работниковъ, никогда не слыхалъ ни о чемъ подобномъ; а тов. Плехановъ никакихъ фактовъ не указываетъ.

Но, можетъ быть, Плехановъ основывается не на заявленіяхъ, а на *дѣйствіяхъ?* Можетъ быть, практически дѣлались бонапартистскія попытки измѣнять по произволу составъ тѣхъ или иныхъ организацій, вводя въ нихъ, противъ ихъ желанія, однихъ членовъ, удаляя другихъ?

Такихъ попытокъ никто изъ нашихъ противниковъ не указываетъ и указать не можетъ, *потому что ихъ не было.* Впрочемъ, виноватъ, я ошибся. Одна такая попытка, дѣйствительно, имѣла мѣсто, и возобновляется до сихъ поръ. Въ одинъ изъ комитетовъ, дѣйствительно, хотятъ ввести новыхъ лицъ противъ его желанія, и требуютъ, чтобы онъ отказался отъ одного изъ своихъ видныхъ членовъ. Да, но этотъ комитетъ, который стараются такимъ образомъ „раскассировать“, есть *Центральный Комитетъ.*

Одна организація была, пожалуй, и въ дѣйствительности „раскассирована“, и настолько, что коренным образомъ измѣнила свое направленіе. Но и ее „раскассировалъ“ не Ц. К., а какой-то другой „Центральный Журавль“ (выраженіе Плеханова). Эта раскассированная организація была — *редакція „Искры“.*

Итакъ, никакого „бонапартизма“ нѣтъ, а если онъ и есть, то не тамъ, гдѣ ищетъ его Плехановъ. Дѣло сводится къ недоразумѣнію. Разъ оно выяснено, что же раздѣляетъ насъ съ тов. Плехановымъ?

Отвѣта надо, повидимому, искать въ открытомъ письмѣ Плеханова къ Ц. К. (№ 66 „Искра“).

Въ этомъ письмѣ тов. Плехановъ допускаетъ, что онъ, можетъ быть, и ошибся на счетъ бонапартизма, но винитъ въ этой ошибкѣ „молчаніе“ Ц. К. Ну, и прекрасно, пусть такъ, Ц. К. виновенъ, что своей преступной небрежностью допустилъ развиться у тов. Плеханова устрашающимъ галлюцинаціямъ бонапартизма. Выразимъ за это порицаніе Ц. К. и — перейдемъ къ очереднымъ дѣламъ.

Но тутъ происходитъ что-то загадочное. „Бонапартизмъ“ вдругъ превращается въ „политику Ленина“ и „брошюру Ленина“. Плехановъ требуетъ, чтобы Ц. К. торжественно отрекся отъ той и другой, тогда онъ, Плехановъ, признаетъ свою ошибку на счетъ „бонапартизма“. Но, позвольте, товарищъ, гдѣ же бонапартизмъ въ политикѣ Ленина? Раскассировалъ онъ кого-нибудь? Увы! скорѣе онъ самъ былъ „раскассированъ“ изъ редакціи. Гдѣ бонапартизмъ въ его брошюрѣ? Отстаиваетъ онъ тамъ „неограниченное право раскассированія“?

„На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые“, тов. Плехановъ.

Остается вопросъ о „кооптаціи“.

Но тутъ Плехановъ, конечно, согласится, что во-первыхъ, вопросъ этотъ не принципіальный — это вопросъ о мѣрѣ уступокъ нашимъ общимъ противникамъ; во-вторыхъ, что теперь кооптація уже невозможна, именно съ точки зрѣнія „цѣлесообразности“. Вы только представьте себѣ, тов. Плехановъ, что въ „робеспьеровскій“ комитетъ, состоящій всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ, вводятся два пылающихъ гнѣвомъ и местью термидоріанца. Хороша будетъ „работоспособность“ комитета[1].

Что же еще? Ваше раздраженіе противъ Ленина, такъ ясно выступающее въ Вашемъ письмѣ, и противъ трехъ представителей, которыхъ Вы награждаете лично оскорбительными эпитетами? Но „представителей“ Вы не поняли, обвиненій противъ Ленина не доказали; съ личными настроеніями всѣ мы — люди „партійной дисциплины“, и Вы въ томъ числѣ — сумѣемъ быстро справиться. Принципіальные вопросы выяснены — къ нимъ разногласій нѣтъ. Что же насъ раздѣляетъ?

Перехожу къ письму Каутскаго.

Въ противоположность Плеханову, Каутскій высказывается прямо въ пользу *автономистскихъ* стремленій меньшинства. Онъ доказываетъ правильность этихъ стремленій тѣмъ, что при нашихъ условіяхъ борьбы, когда она ведется нелегально и въ значительной мѣрѣ тайно, широкая формальная централизація только стѣсняла бы дѣятельность мѣстныхъ организацій и увеличивала бы опасность проваловъ. Онъ ссылается на опытъ Германіи въ эпоху исключительныхъ законовъ, когда каждой отдѣльной организаціи пришлось предоставить очень широкую автономію. Это сравненіе прекрасно выясняетъ мысль Каутскаго, и то недоразумѣніе, въ которое онъ впалъ въ данномъ случаѣ.

До исключительнаго закона въ Германіи существовала широкая, хотя молодая, но уже высоко централистическая организація (*сравнительно* высоко, разумѣется). При исключительномъ законѣ оказалось невозможнымъ въ прежнемъ объемѣ выполнять централистическія функціи общепартійныхъ учрежденій:

---

[1]) „Робеспьера“ я заимствовалъ изъ обычныхъ метафоръ меньшинства, а „термидоріанцы“, я надѣюсь, не хуже „бонапартистовъ“.

пришлось сдѣлать шагъ къ автономіи, при чемъ однако централизаціи, по словамъ Каутскаго, оставалось достаточно, чтобы эту автономію нельзя было „смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ руководящаго центра“.

Такъ было въ Германіи. А какъ обстоитъ дѣло у насъ, въ Россіи? Никакой централизаціи до съѣзда у насъ не было, не было ничего, кромѣ самой широкой, безпредѣльной „автономіи“. Съѣзду предстояло *впервые создать* централистическія функціи. Собравшіеся на съѣздъ представители хорошо знали наши русскія условія, и понимали, что какими бы широкими „формальными“ полномочіями ни надѣлить наши центральныя учрежденія, *фактическая* автономія всетаки останется очень обширной, ужъ конечно гораздо шире, чѣмъ въ организаціяхъ нѣмецкой соціалъ-демократіи подъ исключительнымъ закономъ.

При такихъ условіяхъ все сравненіе Каутскаго оказывается сплошной ошибкой. То, что онъ защищаетъ подъ именемъ „широкой автономіи, которую однако не слѣдуетъ смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ центровъ“, и то, чего добиваются наши дезорганизаторы, вещи совершенно различныя, совершенно непохожія одна на другую. По существу, Каутскій стоитъ *на нашей точкѣ зрѣнія*. Нашъ уставъ *даетъ* нашимъ мѣстнымъ организаціямъ „широкую автономію“, а сама жизнь, на почвѣ которой мы стоимъ, *подразумѣваетъ* еще болѣе широкую автономію. Но мы не хотимъ „безсилія центровъ“. Между тѣмъ, его-то и добиваются наши противники. Если бы осуществилась ихъ насильственная кооптація, то вмѣсто Ц. К. мы имѣли бы просто хроническій скандалъ[1]).

Какъ добросовѣстный ученый, Каутскій заранѣе сдѣлалъ оговорку о томъ, что можетъ ошибиться вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Онъ былъ правъ.

Другой пунктъ общаго характера въ письмѣ Каутскаго, это вопросъ о мартовской или ленинской формулировкѣ перваго § устава. И здѣсь Каутскаго ввело въ заблужденіе незнакомство съ конкретными условіями развитія нашей партіи. Если бы онъ зналъ, какой громадный вредъ принесли ей различные чуждые ей элементы, которые долго къ ней примазывались, разные „легальные марксисты“, особенно изъ литераторовъ, то онъ врядъ ли сталъ бы защищать ту формулировку, которая предупредительно надѣляетъ всю эту публику правами членовъ партіи. Останавливаться на этомъ я не стану: мнѣ пришлось бы только повторять всю, поистинѣ блестящую, аргументацію Плеханова на съѣздѣ. Къ тому же, не изъ-за перваго пункта ведется теперь борьба: это тотъ пунктъ, на которомъ мы потерпѣли пораженіе, и, по свойственной намъ „неуступчивости“, подчинились — до слѣдующаго съѣзда.

Каутскій говоритъ о громадномъ организаціонномъ значеніи

[1]) Между прочимъ, дальнѣйшее пополненіе Ц. К., которое по уставу должно совершаться по *единогласному* рѣшенію, было бы затруднено до послѣдней степени: какое ужъ тамъ было бы „единогласіе“.

довѣрія къ вождямъ. Да, въ этомъ мы съ нимъ вполнѣ согласны, и именно потому хотѣли имѣть *свободно выбранныхъ нами вождей*.

Каутскій выражаетъ недоумѣніе, зачѣмъ понадобилось Ленину удалить трехъ изъ редакторовъ „Искры“ съ ихъ постовъ. *Не Ленину*, тов. Каутскій, а большинству съѣзда, съ *Плехановымъ* и Ленинымъ во главѣ; и не „удалить“, а „не выбрать“, потому что редакція органа *партіи* должна была организоваться заново. Почему же не выбрать? Да хотя бы потому, что *фактическими* редакторами „Искры“, редакторами въ полномъ смыслѣ слова были только Плехановъ, Ленинъ и Мартовъ; мы всѣ признаемъ громадныя заслуги остальныхъ трехъ редакторовъ, но редакторскія права — не орденъ за заслуги, а средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Да, наконецъ, развѣ съѣздъ не имѣлъ права и основанія выбирать тѣхъ, кого желалъ? Если нѣтъ, то зачѣмъ комедія съ выборами, зачѣмъ пунктъ въ уставѣ о выборности редакціи? Надо было тогда просто ввести въ уставъ положеніе о *пожизненномъ* (можетъ быть, даже наслѣдственномъ?) редакторствѣ такого-то кружка, и только.

Каутскій говоритъ, что въ интересахъ партіи надо столковаться передъ съѣздомъ, чтобы меньшинство *во всякомъ случаѣ* подчинялось большинству, хотя бы даже большинству только одного голоса. Святая истина! и очень горькая для нашего меньшинства! Каутскій, повидимому, не знаетъ, что передъ вторымъ съѣздомъ *объ этомъ столковались*, и всѣ приняли на себя такое обязательство; а немедленно послѣ съѣзда литераторы меньшинства объявили бойкотъ выбранной съѣздомъ редакціи, комитеты же меньшинства — выбранному съѣздомъ Ц. К. Да, вполнѣ правъ Каутскій — но онъ не знаетъ, что „автономія“ меньшинства доходила до нарушенія прямыхъ обязательствъ.

Каутскій выясняетъ, что въ интересахъ общаго дѣла необходима взаимная уступчивость. Святая истина! Но только, не зная исторіи дѣла, Каутскій попалъ въ положеніе того священника, который проповѣдуетъ умѣренность бѣднымъ, а кушаетъ вмѣстѣ съ богатыми. Большинство много уступало; оно уступило въ вопросѣ о Лигѣ, оно уступило въ вопросѣ о редакціи; *а въ чемъ уступило меньшинство?* Оно ни въ чемъ не уступило — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ.

Правда, уступать безъ конца и мы не можемъ: вѣдь уступчивость и для насъ не принципъ, а только средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Каутскій говоритъ, что если произойдетъ расколъ въ партіи, то виноватъ будетъ одинъ Ленинъ. Жаль, что знаменитый ученый измѣнилъ здѣсь своей научной сдержанности и осторожности, не допускающей рѣшительныхъ выводовъ тамъ, гдѣ у человѣка недостаточно данныхъ. Вѣдь Каутскій, оказывается, не зналъ даже того, кто — нападающая сторона въ нынѣшнемъ конфликтѣ.

Каутскій говоритъ: „я готовъ измѣнить свои выводы, если

мнѣ докажутъ, что мои предпосылки невѣрны". Да, товарищъ, ваши предпосылки невѣрны, но, конечно, вина въ этомъ не ваша.

Боюсь я, что не на радость меньшинству напечатала редакція письмо Каутскаго!

Еще нѣсколько словъ по поводу отвѣта редакціи на резолюцію Тверского Комитета. Редакція совѣтуетъ тверскимъ товарищамъ „подумать надъ тѣмъ, почему точка зрѣнія большинства не порождаетъ другихъ литературныхъ проявленій, кромѣ „сокрушительныхъ резолюцій" и т. д. Въ началѣ своей статьи я показалъ, почему редакція *не имѣетъ права* говорить этого. Но остается тотъ несомнѣнный фактъ, что *по количеству* литературныхъ произведеній намъ трудно конкуррировать съ меньшинствомъ: большинство литераторовъ на его сторонѣ. Что это значитъ?

Редакція, вѣроятно, скажетъ, что это свидѣтельствуетъ, вообще, о большей сознательности меньшинства. Но какъ примирить съ этимъ объясненіемъ тотъ фактъ, что на сторонѣ *нашихъ принциповъ* оказались два самые крупные ума и таланта нашей партіи — *Плехановъ* и Ленинъ?

Гораздо вѣроятнѣе, поэтому, другое объясненіе: къ меньшинству естественнымъ образомъ тянутъ „интеллигентскіе" элементы нашей партіи, потому что меньшинство защищаетъ индивидуалистическія и анархическія тенденціи въ организаціонной жизни, тѣ самыя тенденціи, которыя такъ дороги сердцу интеллигента[1]).

Закончу маленькимъ практическимъ предложеніемъ, котораго не стану подробно мотивировать, потому что смыслъ его и такъ будетъ ясенъ.

Въ партійномъ органѣ намъ хотѣлось бы имѣть органъ *дѣйствительнаго единства партіи*; а потому всю текущую полемику, особенно въ виду ея остраго характера, лучше было бы совсѣмъ удалить со страницъ „Искры" и печатать, напр., въ особыхъ приложеніяхъ къ ней. Въ виду чисто домашняго характера собственно организаціонныхъ вопросовъ, можно было бы, пожалуй, даже ограничить распространеніе этихъ приложеній одними членами партіи; но за это *я*, конечно, особенно стоять не буду. Такое выдѣленіе полемики улучшило бы отношеніе къ „Искрѣ" со стороны дѣйствительнаго большинства партіи, большинства ея рядовыхъ работниковъ, особенно рабочихъ; легче было бы подводить итоги полемикѣ, и она была бы исчерпана скорѣе, чего всѣ мы такъ страстно желаемъ.

Рядовой.

* * *

Отъ редакціи. Товарищу, скромно назвавшему себя „Рядовымъ", мы отвѣтимъ въ краткихъ словахъ:

1) Начальныя разсужденія о томъ, что ред. „Искры" не приглашала до № 66 сторонниковъ „большинства" высказаться, не вы-

[1]) Характерно, что даже терминъ *партійная дисциплина* тов. Мартовъ употребляетъ теперь, по большей части, въ сопровожденіи „знака пропискаго", въ видѣ кавычекъ.

держиваютъ самой легкой критики. Еслибъ т. Рядовой *понималъ*, какъ должно „меньшинство“ (и, вообще, соціальдемократія) смотрѣть на задачи партійнаго органа, онъ догадался бы, что и безъ особаго приглашенія литераторы „большинства“ могутъ надѣяться на помѣщеніе въ Ц. О. *дѣйствительно*-литературныхъ произведеній. А помѣщеніе полемическаго письма т. Александрова въ № 57 „Искры“ должно было разсѣять и послѣднія сомнѣнія. Если, кромѣ тов. Ленина, ни къ кому изъ „большинства“ редакція не обращалась съ спеціальнымъ предложеніемъ о *постоянномъ* сотрудничествѣ, то лишь потому, что литературно-заявившихъ себя товарищей мы не встрѣчали среди „большинства“. Ссылку тов. Рядового на брошюру Одесскаго Ком. мы отвергаемъ, въ виду мутнаго характера этого источника: изданная Од. Комитетомъ брошюра, „Докладъ о II съѣздѣ“, представляетъ собой нѣчто небывалое въ нашей революціонной литературѣ по *недобросовѣстности* тѣхъ обвиненій и недостовѣрности тѣхъ *сплетенъ*, которыя въ *нелегальной* типографіи печатались одесскими товарищами, не вѣдавшими, что они творятъ. Тов. Рядовой проявилъ поразительное отсутствіе моральной чуткости, когда счелъ возможнымъ ссылаться на *такое* произведеніе печати.

2) Заявленіе тов. Рядового, будто бы въ нашей Партіи не было попытокъ давленія на мѣстные комитеты, въ видахъ „измѣненія по произволу состава тѣхъ или иныхъ организацій“, можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ этого товарища съ положеніемъ дѣлъ въ Партіи. Мы же знаемъ соотвѣтствующіе случаи въ Харьковѣ, Баку и Николаевѣ и знаемъ, что тов. Ленинъ, и многіе съ нимъ, и *послѣ* эксперимента съ Лигой отстаиваютъ безапелляціонное право Ц. К. вводить въ мѣстные комитеты своихъ членовъ, безъ согласія комитетовъ.

3) Смѣлость, съ которой тов. Рядовой разсказываетъ о томъ, кто въ старой „Искрѣ“ былъ фактическимъ редакторомъ, заставляетъ насъ напомнить тов. Рядовому, что, мысленно обозрѣвая ряды многочисленныхъ товарищей, вмѣстѣ съ нами работавшихъ въ организаціи „Искры“, мы не находимъ въ этихъ рядахъ даннаго товарища, а потому должны допустить, что свои свѣдѣнія о роли того или другого редактора „Искры“ онъ почерпнулъ изъ самаго ненадежнаго источника — кумушкиныхъ сплетенъ. Пользованіе такимъ источникомъ едва ли должно считаться необходимымъ признакомъ „твердаго искровства“. Л. М.

* * *

Отвѣчаю съ своей стороны также по пунктамъ:

Къ пун. 1-му.

Я всегда преклонялся передъ моральной чуткостью тов. Л. М. но теперь преклоняюсь вдвойнѣ, видя насколько она при случаѣ практически выгодна: при помощи нея товарищу Л. М. удается завѣдомо для него вѣрные факты сдѣлать какъ-бы несуществующими. Изъ брошюры Одес. Ком. я привелъ **указаніе** на тотъ фактъ, что редакція отказалась напечатать заявленіе

заграничнаго представителя Ц. К., — фактъ засвидѣтельствованъ въ самомъ этомъ заявленіи; далѣе, на тотъ фактъ, что вмѣсто письма „Что случилось?“ она напечатала его полемическій разборъ, — что это такъ, можно удостовѣриться изъ самой „Искры“; наконецъ, на тотъ фактъ, что она отказалась напечатать цѣлый рядъ писемъ и заявленій сторонниковъ большинства, — и это затѣмъ было подтверждено мнѣ авторами этихъ писемъ и заявленій. Всѣ эти факты тов. Л. М. уничтожаетъ указаніемъ на то, что только лишенный моральной чуткости человѣкъ можетъ ссылаться на факты, осквернённые упоминаніемъ ихъ въ преступной брошюрѣ Одеск. Ком.

Еще разъ преклоняюсь передъ моральной чуткостью т. Л. М., столь возвышенной и столь выгодной, и почтительнѣйше прошу его сообщить во всеобщее свѣдѣніе индексъ тѣхъ запрещенныхъ партійныхъ изданій, пользованіе коими ввергаетъ въ бездну грѣховнаго отсутствія „моральной чуткости“.

Къ пункту 3 му.

Говоря о фактическомъ распредѣленіи работы въ редакціи старой „Искры“, *я* основывался на точныхъ данныхъ, опубликованныхъ въ партійномъ изданіи (брошюра т. Павловича о съѣздѣ, стр. 16-17, гдѣ это распредѣленіе иллюстрировано цифрами). Всякій изъ насъ высказался бы противъ опубликованія такихъ данныхъ, если бы наши противники не вынуждали къ нему своими протестами противъ голосованій съѣзда, своими заявленіями о немотивированности принятыхъ съѣздомъ рѣшеній относительно редакціи, своими требованіями указать достаточные мотивы этихъ рѣшеній. Теперь „моральная чуткость“ тов. Л. М. превращаетъ эти данныя „въ кумушкины сплетни“. Невольно вспоминается чудная сказка Щедрина о добродѣтеляхъ и порокахъ. Примѣнительно къ данному случаю, ее пришлось бы дополнить такъ:

Жило было „Отрицаніе-завѣдомо-вѣрныхъ-фактовъ“, и считалось оно сквернымъ порокомъ; но вдругъ ему очень захотѣлось попасть въ компанію добродѣтелей. На выручку явилась испытанная сводница — Лицемѣріе: принарядила его въ литературныя фразы, подкрасила румянами благороднаго негодованія: и сталъ порокъ добродѣтелью — „Моральная чуткость“.

Къ пункту 2-му.

Имѣя по данному вопросу прямыя сообщенія лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу; видя, что тов. Плехановъ, членъ той же редакціи Ц. О., во время напечатанія своего письма къ Ц. К. въ № 66, былъ также „неосвѣдомленъ“, какъ я (онъ допускаетъ возможность ошибки со своей стороны по вопросу о бонапартизмѣ), и принимая во вниманіе, что тов. Мартовъ, столь тщательно разыскивающій преступленія большинства, давно распубликовалъ бы всѣ факты „бонапартизма“, если бы они имѣлись, — *я отвергаю* новыя свѣдѣнія товарища Л. М. Кто возводитъ обвиненія, тотъ долженъ *доказать* ихъ. Гдѣ доказательства тов. Л. М? Гдѣ резолюція Совѣта Партіи, констатирующая тѣ „факты“, о которыхъ говоритъ тов. Л. М? Вѣдь только Со-

нѣтъ Партіи законно могъ бы ихъ констатировать; и онъ не сдѣлалъ этого, потому что ихъ не было.

Къ этому присоединяется такое соображеніе. Какъ мы видѣли, „моральная чуткость“ тов. Л. М. имѣетъ свойство — существующее дѣлать какъ бы не существующимъ, и объективныя данныя превращать въ кумушкины сплетни. Не имѣетъ ли она и обратнаго свойства: не существующее дѣлать какъ-бы существующимъ, и кумушкины сплетни превращать въ объективныя данныя? Разницы большой нѣтъ.

Рядовой.

Къ свѣдѣнію товарищей, которые пожелали бы сотрудничать въ „Искрѣ“.

Когда редакція „Искры“ заявила (въ № 67, въ отвѣтѣ на резолюцію Тверск. Ком.), что она готова была печатать статьи сторонниковъ партійнаго большинства, но не могла этого дѣлать, потому что не получала такихъ статей (за исключеніемъ одной, которую и напечатала), то я почти немедленно (числа около 15 іюня) отправилъ въ „Искру“ черезъ товарищей свою статью „Наконецъ-то“, за подписью „Рядовой“.

25 іюня редакція отвѣтила слѣдующимъ письмомъ:

„Ув. тов., статья Ваша „Наконецъ-то“ можетъ быть напечатана въ „Искрѣ“ въ томъ случаѣ, если редакціи будетъ извѣстна личность ея автора. Дѣло въ томъ, что по организаціоннымъ вопросамъ въ Ц. О. могутъ помѣщаться только статьи членовъ партіи. За ред. по поруч. товарищей Л. Мартовъ“.

По моей просьбѣ и по порученію члена Ц. К. Ленина, который лично меня знаетъ, агенты Ц. К., работающіе въ партійной экспедиціи, засвидѣтельствовали редакціи Ц. О. фактъ моей принадлежности къ партіи.

7 іюля редакція отвѣтила слѣд. письмомъ:

„Женева, 7/7 1904 г.

Ув. тов., повидимому, въ видѣ отвѣта на запросъ о Вашей личности, мы получили отъ одного товарища, — тов. Лядова — письмо, въ которомъ послѣдній, ссылаясь на данное ему членомъ Ц. К., тов. Ленинымъ, порученіе, удостовѣряетъ Вашу принадлежность къ партіи и отказывается сообщить

намъ, кто Вы, пока не имѣетъ отъ Васъ на то разрѣшенія.

Принимая во вниманіе, что 1) редакція Ц. О., во избѣжаніе мистификаціи, обязана имѣть гарантію въ томъ, что присылаемыя ей статьи по вопросамъ партійной розни исходятъ отъ дѣйствительныхъ членовъ партіи, 2) что единоличное заявленіе тов. Ленина не имѣетъ для редакціи достаточнаго значенія, такъ какъ согласно сообщенному ей рѣшенію Ц. К., *оффиціальный* характеръ носятъ лишь заявленія, подписанныя, кромѣ тов. Ленина, еще и другимъ, находящимся заграницей членомъ Ц. К., подпись котораго въ данномъ случаѣ отсутствуетъ,—редакція покорнѣйше проситъ Васъ сообщить ей, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло.

По порученію редакціи *(подпись не разобрана)*"

Случайнымъ образомъ письмо это дошло до меня очень не скоро, и я еще не получивши его послалъ 17 іюля въ редакцію другую статью, уже не черезъ товарищей, а прямо отъ себя. Въ препроводительномъ письмѣ я на всякій случай давалъ подробныя справки о своей „личности", и между прочимъ писалъ:

„Вниманію тов. Мартова предлагаю слѣдующій силлогизмъ, который, можетъ быть, сдѣлаетъ излишними всѣ дальнѣйшія (и предыдущія) справки:

1. Согласно § 1 устава (Мартовскій §), кто работаетъ подъ руководствомъ одной изъ партійныхъ организацій, тотъ — членъ партіи.

2. Редакція „Искры" — партійная организація, а всякій, кто пишетъ статью для „Искры" — работаетъ „подъ руководствомъ" редакціи (какое руководство выражается въ принятіи или забракованіи статьи, а также ея исправленіи или дополненіи соотвѣтствующими комментаріями[1]).

3. Ergo — „личность" написавшая для „Искры" статью „Наконецъ-то" есть членъ партіи..."

[1]) Работать можно плохо или хорошо — это здѣсь не важно, ибо въ уставѣ объ этомъ не говорится.

Послѣ этого въ 69 № „Искры“, въ „Почтовомъ Ящикѣ“ появилось сообщеніе:

„*Рядовому*. Статья „Наконецъ-то“ пойдетъ въ № 70“.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что предъявленіе паспорта, прописаннаго не менѣе чѣмъ двумя членами Ц. К., обязательно не во всѣхъ случаяхъ: иногда редакціи достаточно „пролетарскаго слова“ отъ „совершенно ей неизвѣстнаго товарища“; но это, повидимому, только тогда, когда статья направлена къ скомпрометтированію партійнаго большинства (см. примѣч. редакціи къ корреспонденціи изъ Одессы въ № 64).

Полагаю, что комментаріи излишни.

Я считаю себя *въ правѣ* опубликовать эту переписку, за исключеніемъ того, что въ ней есть личнаго и конспиративнаго, я считаю себя *обязаннымъ* сдѣлать это для тѣхъ товарищей, особенно живущихъ въ Россіи, которые, положившись на заявленіе редакціи и не имѣя понятія объ ея паспортной системѣ, даромъ потеряли бы трудъ и время.

Рядовой.

Роза Люксембургъ противъ Карла Маркса.

Мы, русскіе соціальдемократы, ученики Маркса, но — младшіе ученики. Нѣмецкіе соціальдемократы — его старшіе ученики; они стояли ближе насъ къ этому великому источнику геніальныхъ идей, раньше насъ и, разумѣется, лучше насъ имъ овладѣли. Поэтому мы внимательно и даже съ нѣкоторою почтительностью прислушиваемся ко всему, что говорятъ наши нѣмецкіе товарищи по вопросамъ соціалистическаго движенія и его теоріи.

Почтительность, однако, не исключаетъ и нѣкоторой критики. Когда уважаемая фирма Бернштейнъ и К° стала спекулировать на пониженіе старыхъ акцій марксизма, мы — большинство изъ насъ, по крайней мѣрѣ, — не оказали ей кредита и твердо держали акціи въ рукахъ. Когда уважаемый тов. Роза Люксембургъ въ борьбѣ съ понижательной тенденціей начала зарываться и въ стремленіи до безконечности поднять курсъ „конечной цѣли“ пыталась свести къ нулю цѣнность „движенія“, мы и ей не повѣрили, и даже нашли, что она въ увлеченіи играетъ на-руку Бернштейну, создавая нѣкоторую почву для его толковъ объ „утопизмѣ“. Мы держались позиціи Каутскаго, Либкнехта и др., но отнюдь не изъ слѣпого довѣрія къ нимъ, а потому что находили, что они правы.

Нѣмецкая соціальдемократія всегда относилась, со своей стороны, съ большимъ участіемъ и интересомъ къ нашей практической и идейной жизни, и это всегда было для насъ серьезной нравственной поддержкой. Мы особенно цѣнимъ проявленія этого участія и этого интереса теперь, во время тяжелаго кризиса, переживаемаго нашей партіей;

но, принимая ихъ съ глубокой благодарностью, мы позволяемъ себѣ сохранять по отношенію къ нимъ все ту же почтительно-критическую позицію.

Симпатичное письмо Каутскаго, помѣщенное въ № 67 „Искры“, я и многіе мои товарищи, члены партійнаго большинства разсматривали съ этой же точки зрѣнія: мы нашли совершенно правильными его указанія на необходимость *взаимной* уступчивости (а не только уступокъ большинства меньшинству), на необходимость для всякаго возможнаго меньшинства *исполнять* обязательства, налагаемыя на него партійнымъ съѣздомъ, въ которомъ само оно законно участвовало; но намъ показались результатомъ недостаточной освѣдомленности въ нашихъ дѣлахъ нѣкоторые другіе его совѣты, особенно — совѣтъ расширить автономію за счетъ чрезмѣрной централизаціи, между тѣмъ какъ фактически у насъ автономія далеко преобладаетъ надъ централизаціей, а централизація находится только въ процессѣ зарожденія.

Гораздо больше матеріала для критическаго отношенія даетъ статья Розы Люксембургъ, помѣщенная въ № 69 „Искры“ и одновременно — въ „Neue Zeit“.

Статья эта уже гораздо менѣе „примирительная“, гораздо болѣе полемическая и направлена противъ брошюры тов. Ленина „Шагъ впередъ, два шага назадъ“. Въ этой полемикѣ, на мой взглядъ, ошибочно очень многое, если не все; но было бы просто смѣшно, если бы я позволилъ себѣ отвѣчать Розѣ Люксембургъ за тов. Ленина, который, вопреки ложнымъ свѣдѣніямъ т. Мартова, еще живъ и сумѣетъ отвѣтить за себя, конечно, несравненно лучше, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать. Но я имѣю право отвѣтить за умершаго товарища, хотя бы этотъ товарищъ былъ не кто иной какъ Карлъ Марксъ.

Одна изъ основныхъ идей Маркса заключается въ томъ, что склонность и способность того или другого общественнаго класса къ организаціи и дисциплинѣ зависитъ прежде всего отъ условій

его производственной жизни. Особенно подчеркиваетъ онъ эту точку зрѣнія по отношенію къ рабочему классу. Въ главѣ о первоначальномъ накопленіи онъ говоритъ о томъ, какъ на почвѣ концентраціи капиталовъ „развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочего процесса“, и какъ, благодаря этому, рабочій классъ „постоянно обучается, объединяется и организуется самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства“. Въ Манифестѣ Коммун. Партіи (въ концѣ первой главы) Марксъ выражаетъ ту же мысль, говоря: „Прогрессъ промышленности, носителемъ котораго не можетъ не быть буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкурренціи революціонное объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи“.

Эта идея о воспитаніи пролетаріата въ духѣ организаціи и дисциплины самой его производственной дѣятельностью была прекрасно усвоена нашими старшими товарищами, нѣмецкими соціалъ-демократами. Въ „Эрфуртской программѣ“, въ главѣ „Подъемъ рабочаго пролетаріата“ говорится:

„Сама обстановка работы при капиталистическомъ производствѣ указываетъ пролетаріямъ на необходимость согласованныхъ дѣйствій, подчиненія единицы цѣлому. Между тѣмъ какъ въ ремеслѣ, въ его классической формѣ, каждая единица сама по себѣ составляетъ цѣлое, капиталистическая промышленность основана на работѣ совмѣстной, на *коопераціи*. Единичный рабочій тутъ ничто безъ своихъ товарищей. Зато планомѣрная совмѣстная работа удваиваетъ и утраиваетъ производительность труда каждой единицы. Такимъ образомъ, сама работа приводитъ къ сознанію мощи соединенія, развиваетъ въ рабочихъ добровольную дисциплину, которая является предварительнымъ условіемъ какъ всякой успѣшной борьбы противъ эксплуатаціи, при капиталистическомъ производствѣ, такъ и самого товарищескаго, соціалистическаго производства“.

Что же говоритъ теперь Роза Люксембургъ?

А вотъ что (начинаю цитату не совсѣмъ съ начала, чтобы она не была безконечной):

„Тѣмъ поразительнѣе кажется обратное убѣжденіе Ленина, будто всѣ предварительныя условія для созданія большой и крайне централизованной рабочей партіи имѣются въ Россіи уже на лицо. И если онъ оптимистическй восклицаетъ, что теперь уже „не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи не достаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины“ (стр. 145), и прославляетъ воспитательное значеніе фабрики для пролетаріата, которая уже сама по себѣ подготовляетъ его къ „дисциплинѣ и организаціи“ (стр. 147), то это лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его слишкомъ механическомъ представленіи о соціальдемократической организаціи“.

Что же, собственно, „механически представилъ“ Ленинъ? Чтобы не было неясности, цитирую и его „прославленіе“ фабрики:

„Именно фабрика, которая кажется иному однимъ только пугаломъ, и представляетъ изъ себя ту высшую форму капиталистической кооперації, которая объединила, дисциплинировала пролетаріатъ, научила его организаціи, поставила его во главѣ всѣхъ остальныхъ слоевъ трудящагося и эксплуатируемаго населенія. Именно марксизмъ, какъ идеологія обученнаго капитализмомъ пролетаріата, училъ и учитъ неустойчивыхъ интеллигентовъ различію между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхѣ голодной смерти) и ея организующей стороной (дисциплина, основанная на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ именно благодаря этой фабричной „школѣ“.

Я вовсе не Ленина защищаю — гдѣ ужъ мнѣ! — а только почтительнѣйше ставлю старшему товарищу, нѣмецкой соціальдемократкѣ, вопросъ: имѣю ли я право повторять мысль Маркса о вос-

питательномъ значеніи фабрики; и Роза Люксембургъ сурово отвѣчаетъ: нѣтъ! слишкомъ механическое представленіе!

Но ей этого мало.

„Дисциплина“, которую Ленинъ имѣетъ въ виду, — заявляетъ она, — внушается пролетаріату не одной только фабрикой, но и *казармой* и современнымъ бюрократизмомъ, — словомъ, всѣмъ механизмомъ централизованнаго буржуазнаго государства“.

Итакъ, организующая сторона фабрики, „дисциплина, основанная на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитого технически производства“ и противоположная другой сторонѣ фабричной дисциплины — „дисциплинѣ, основанной на страхѣ голодной смерти“, — эта дисциплина „внушается и казармой“ и „бюрократизмомъ“? Да гдѣ же въ казармѣ и канцеляріи „производство“ и его „объединяющія высокоразвитыя технические условія“? И почему Марксъ и Эрфуртская программа, говоря объ этой же „дисциплинѣ совмѣстнаго труда“, забыли упомянуть о казармѣ, бюрократизмѣ и буржуазномъ государствѣ?

„Одновременно обозначать словомъ „дисциплина“ два столь противоположныхъ понятія, какъ отсутствіе воли и мысли въ тысяченогомъ и тысячерукомъ тѣлѣ, по указкѣ дѣлающемъ механическія движенія, и добровольное координированіе сознательныхъ политическихъ дѣйствій общественнаго слоя, такія понятія, какъ безпрекословное повиновеніе угнетеннаго класса и организованное возмущеніе класса, борющагося за свое освобожденіе, — значитъ просто злоупотреблять ходячимъ словечкомъ.“

Постойте, дорогой товарищъ, да вѣдь „отсутствіе воли и мысли“, это и есть „дисциплина, основанная на страхѣ голодной смерти“, а вовсе не та „дисциплина совмѣстнаго труда, объединеннаго“, и т. д., о которой говорятъ Марксъ и Эрф. прогр. и ученикъ ихъ Ленинъ? Вы, очевидно, чересчуръ испугались своей громадной тысяченожки, и въ волненіи перепутали ея двѣ противоположныя стороны...

Но Розу Люксембургъ не остановишь:

„Не исходя изъ внушаемой пролетаріату капиталистическимъ государствомъ дисциплины — съ простой передачей указки изъ рукъ буржуазіи въ руки соц.-дем. Ц. К., но только сломивъ и вырвавъ съ корнемъ этотъ духъ рабской дисциплины, можетъ рабочій классъ воспитать себя для новой дисциплины — свободной самодисциплины соціальдемократіи.“

Да вѣдь рѣчь идетъ не о „рабской дисциплинѣ“, основанной на страхѣ голодной смерти или иныхъ видахъ насилія! Если же *вся* дисциплина, которая дается рабочему классу фабрикой, есть рабская и подлежитъ искорененію и замѣнѣ совсѣмъ новою, то это дѣло по силамъ развѣ только Господу Богу, а задача соціалистической пролетарской организаціи есть чистѣйшая утопія, такая же, какъ соціализмъ рабовъ или крѣпостныхъ.

Бѣдный Марксъ, жестокая Роза Люксембургъ.

Вѣрная своей логикѣ, жестокая воительница преслѣдуетъ марксизмъ и съ другой стороны.

Исходя изъ той же марксовской точки зрѣнія, всѣ мы привыкли думать, что интеллигентъ по своей соціальной природѣ гораздо менѣе предрасположенъ къ организаціонной дисциплинѣ, чѣмъ пролетарій. Дѣятельность интеллигента въ современномъ обществѣ протекаетъ въ индивидуалистической формѣ, онъ въ этомъ отношеніи вполнѣ подобенъ ремесленнику, какъ этотъ послѣдній характеризованъ въ вышецитированномъ мѣстѣ Эрфурт. программы, ему чужда та дисциплина кооперативной формы рабочаго процесса, о которой говоритъ Марксъ. Поэтому интеллигенту нужны особенныя усилія, чтобы преодолѣть нѣкоторую стихійную антипатію къ дисциплинѣ партіи; и эта антипатія легко прорывается въ видѣ проявленій анархической тенденціи; а тамъ, гдѣ жизнь выдвигаетъ потребность въ централизованной организаціи, анархическая тенденція, сталкиваясь съ этой потребностью, порождаетъ организаціонный оппортунизмъ. Русскій интеллигентъ еще менѣе свитъ въ

этомъ отношеніи, чѣмъ западно-европейскій, потому что еще меньше имѣетъ возможности получить организаціонное воспитаніе.

Весь этотъ ходъ мыслей, строго соотвѣтствующій основнымъ идеямъ историческаго матеріализма, радикально отвергается Розою Люксембургъ.

По ея мнѣнію „дезорганизаторскія тенденціи“ свойственны отнюдь не русскому, а западно-европейскому интеллигенту, и не въ силу общаго характера его профессіональной дѣятельности, а благодаря вліянію... буржуазнаго парламентаризма. Вотъ что она говоритъ:

„Парламентаризмъ не только поддерживаетъ всѣ извѣстныя иллюзіи теперешняго оппортунизма: переоцѣнку значенія реформаторской работы, сотрудничества классовъ и партій, мирнаго развитія и т. д., какъ мы это видѣли во Франціи, Италіи, Германіи. Одновременно обособляя въ соціальдемократіи интеллигентовъ въ роли парламентскихъ дѣятелей отъ пролетарской массы и нѣкоторымъ образомъ возвышая ихъ надъ нею, онъ создаетъ почву, на которой эти иллюзіи могутъ практически проявляться. Наконецъ, съ ростомъ рабочаго движенія, парламентаризмъ превращаетъ его въ орудіе политической карьеры, дѣлая его такимъ образомъ прибѣжищемъ для буржуазныхъ честолюбцевъ и неудачниковъ.

„Всѣми этими моментами опредѣляется и извѣстная склонность интеллигента оппортуниста западно-европейской соціальдемократіи къ дезорганизаціи и недисциплинированности“.

А у русскаго интеллигента, поясняетъ дальше Роза Люксембургъ, буржуазнаго парламентаризма еще нѣтъ, и потому не откуда взяться дезорганизаторскимъ, анархическимъ тенденціямъ.

„Напротивъ того, утопическія и оппортунистическія фантазіи русскихъ „интеллигентовъ“ соціалистовъ обнаруживаютъ скорѣе склонность принимать противоположныя теоретическія формы: самоотреченія, самобичеванія. Вѣдь было же „хожденіе въ народъ“, т. е. обязательное преображеніе

интеллигента въ крестьянина, для старыхъ „народниковъ“ такимъ же продуктомъ беззавѣтной интеллигентской рѣшимости, какъ недавній грубый культъ „мозолистаго кулака“ для послѣдователей чистаго „экономизма“.

Тутъ есть, прежде всего, маленькая путаница: революціонное „хожденіе въ народъ“ далеко не вполнѣ совпадаетъ съ „обязательнымъ преображеніемъ интеллигента въ крестьянина“ или такъ наз. „опрощеніемъ“, которое составляетъ сущность не „стараго народничества“, а его эпигоновъ вродѣ Юзова и толстовцевъ. Но это еще не важно; важно то, что Роза Люксембургъ не знаетъ или не замѣчаетъ, что и „опрощеніе“ и культъ „мозолистаго кулака“ не имѣютъ ничего общаго съ идеями организаціонной дисциплины и „централизаціи“, а совершенно напротивъ, представляютъ особую форму *индивидуалистическаго аскетизма*, съ несомнѣнной анархической окраской.

Итакъ, русскій интеллигентъ чуждъ анархическихъ и дезорганизаторскихъ тенденцій — и не потому, чтобы получилъ въ самомъ своемъ трудѣ воспитаніе въ духѣ организаціи и дисциплины, этого, конечно, не было, — а потому, что не получилъ буржуазно-парламентарнаго воспитанія.

Бѣдный марксизмъ, жестокая Роза Люксембургъ!

Я не сталъ бы заниматься защитой достаточно прочно стоящихъ идей классовой психологіи, если бы дѣло шло только о теоріи. Но на дѣлѣ антимарксистскія идеи уважаемаго тов. Р. Л. служатъ только первой посылкой для атаки дорогого мнѣ и моимъ товарищамъ дѣла созданія стройной и сильной организаціи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Вторая посылка Розы Люксембургъ требуетъ еще болѣе энергичнаго протеста. Дѣло идетъ уже о томъ, *что такое въ дѣйствительности русская соціальдемократическая партія*, то ли, чѣмъ она себя называетъ, или нѣчто совсѣмъ иное. Вопросъ этотъ точнѣе приходится формулировать такъ:

Правду ли говоритъ Россійская Соціальдемократическая Партія, когда она называетъ себя „рабочей партіей", или это только фальсификація (вольная или невольная)?

Сущность дѣла заключается вотъ въ чемъ.

За послѣднее время въ эмигрантской русской литературѣ стала высказываться — Аксельродомъ, Мартовымъ и другими — та мысль, что наша партія *еще не пролетарская*, что ей только *предстоитъ* стать таковой. Такъ, историческую задачу нашего времени (и своей фракціи) Аксельродъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „*Что и какъ мы должны сдѣлать для того, чтобы русская соціальдемократія (прежде чѣмъ наступитъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію*" („Искра" 68, письмо къ Каутскому). — Ясно, что Аксельродъ не считаетъ нашу партію хотя бы „отчасти" пролетарской. — II Роза Люксембургъ, незнакомая съ нашей дѣйствительностью, повѣрила этимъ литературнымъ заявленіямъ, и совершенно искренно повторяетъ передъ нѣмецкими товарищами, что „выдѣленіе пролетарскаго авангарда, сознающаго свои классовые интересы и умѣющаго политически ориѣнтироваться, находится (въ Россіи) лишь въ процессѣ возникновенія...".

Выдѣленіе находится въ процессѣ возникновенія! Ясно, что по мнѣнію Р. Люкс. такого авангарда у насъ *еще нѣтъ*, есть только его минимальный зародышъ, историческій намекъ на него. Партія же наша оказывается тогда *интеллигентской*, и дать этой партіи строгую и стройную организацію, значитъ отдать рабочее движеніе, стихійное и беззащитное, въ полную власть организованной интеллигенціи, которая помѣшаетъ „возникающему выдѣленію пролетарскаго авангарда" и закуетъ движеніе въ прочныя цѣпи.

Именно поэтому — полагаетъ Р. Люкс. — русскій интеллигентъ — централистъ по преимуществу, а указаніе Ленина на анархическія тенденціи

интеллигента есть только попытка замаскировать себя[1]).

Если бы посылки Аксельрода и Р. Люкс. были вѣрны, то честь партіи требуетъ, чтобы изъ названія партіи было вычеркнуто, какъ вредная и явная ложь, слово „рабочая“, и чтобы русскому пролетаріату было особымъ манифестомъ сообщено, какъ до сихъ поръ злоупотребляли его именемъ. Званіе „политическихъ авантюристовъ и самозванцевъ“ должно быть тогда сдѣлано оффиціальнымъ титуломъ всѣхъ нынѣшнихъ нашихъ дѣятелей, и соціальдемократическая работа должна начаться едва ли не сначала. Такъ ли это?

Къ счастью, не такъ. Вотъ уже 12-15 лѣтъ, какъ въ Россіи среди пролетаріевъ энергично и въ широкихъ размѣрахъ ведется пропагандистская и организаціонная работа, между тѣмъ какъ стихійное массовое движеніе доставляетъ для этой работы и богатый человѣческій матеріалъ, и живые стимулы, и возрастающее конкретное содержаніе, и могучіе непосредственные тактическіе директивы. И за все это время, цѣною всей этой борьбы, всѣхъ этихъ усилій, не создалось „созна-

[1]) Подхватывая мысль Роз. Люкс., Мартовъ развиваетъ ее слѣдующемъ образомъ:

„Послушать его (Ленина), такъ „массовой“ интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ“, является въ политической организаціи индивидуалистомъ автономистомъ. Но какъ же быть съ „интеллигентскими“ организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ „Народной Волей“? какъ быть съ Р. Р. S.? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ“, строящимъ ультра-централистически свою чисто „интеллигентскую“ „организацію“?

Что касается выходки насчетъ большинства, то здѣсь мы просто *не повѣримъ* голословному заявленію Мартова, *зная*, что именно въ меньшинствѣ (сконцентрированномъ въ наибольшей части за-границей) самымъ рѣшительнымъ образомъ преобладаютъ интеллигентскіе элементы; остальные примѣры *подтверждаютъ* мысль Ленина. Тамъ, гдѣ страшное давленіе жизни заставляетъ интеллигентовъ группироваться строго централистически, тамъ въ организацію попадаютъ *единицы или сотни* угнетенной интеллигенціи, единицы способныя преодолѣть свою анархическую „природу“.

тельнаго пролетарскаго авангарда", способнаго выразить свою волю въ движеніи, а не итти только на помочахъ у интеллигенціи? Кто повѣритъ этому, кромѣ человѣка, незнакомаго со всей нашей жизнью, и у кого возникнетъ такая печальная иллюзія, кромѣ человѣка, десятки лѣтъ оторваннаго отъ этой жизни и знакомаго съ нею лишь въ блѣдной передачѣ другихъ?

Шесть съ половиной лѣтъ тому назадъ наша молодая соціальдемократія открыто заявила на своемъ первомъ съѣздѣ, что она считаетъ себя *рабочей партіей*. И наши мѣстные дѣятели считали себя въ правѣ заявить это, потому что для нихъ не могло возникнуть сомнѣнія въ существованіи пролетарскаго авангарда — основы рабочей партіи. И понадобилось шесть съ половиной лѣтъ стремительнаго революціоннаго развитія, чтобы въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ поля борьбы сдѣлано было открытіе, что этого авангарда не существуетъ!

Нѣтъ, этого заблужденія нельзя оставить невыясненнымъ.

Наша партія уже по количественному составу — партія пролетарская. Ея основу составляютъ не два десятка комитетовъ по нѣсколько человѣкъ каждый, а многочисленныя рабочія группы и организаціи, стоящія за этими комитетами. По имѣющимся даннымъ, каждая изъ 27 организацій 2-го съѣзда имѣла за собой сотни, а нѣкоторыя — тысячи организованныхъ рабочихъ. Фактически на каждаго соціальдемократа интеллигента приходятся *десятки* организованныхъ рабочихъ, и вовсе не пассивныхъ, безсознательныхъ политическихъ младенцевъ, которые позволяютъ вести себя по какой угодно дорогѣ. Изъ нихъ рекрутируются многіе члены комитетовъ, еще гораздо больше ихъ стоитъ во главѣ районныхъ и заводскихъ организацій, работаетъ въ роли профессіональныхъ агитаторовъ и т. д. Вы думаете, что все это — не „авангардъ", а безсознательная масса? Вы думаете, что они рабски слѣдуютъ за „интеллигентами"?

Прочитайте рѣчи нашихъ рабочихъ на политическихъ процессахъ, и примите въ разсчетъ, что эти процессы устраиваются не для избранныхъ, наиболѣе сознательныхъ единицъ, а для тѣхъ, противъ кого нашлись достаточныя улики для веденія судебнаго дѣла. Прочитайте исторію движенія въ томъ или другомъ нашемъ городѣ: вы найдете массу проявленій активно-сознательнаго отношенія рабочихъ къ работѣ интеллигентскихъ организацій и комитетовъ. И если, какъ указываетъ сама Роза Люкс., именно массовое рабочее движеніе являлось рѣшающей инстанціей для нашей партійной тактики, если оно опредѣляло ея основныя измѣненія и преобразованія, то неужели возможно было бы достаточно быстрое и успѣшное приспособленіе этой тактики къ новымъ моментамъ рабочаго движенія, если бы наша партія была „интеллигентской“, и въ ней не было „сознательнаго пролетарскаго авангарда“?

Въ изданной меньшинствомъ брошюрѣ Панина дана и конкретная картина того, какъ пролетарскій авангардъ *приспособлялъ* интеллигенцію съ ея тактикой къ потребностямъ рабочаго движенія[1]).

Безспорно, что въ нашей партіи сознательный авангардъ пролетаріевъ гораздо малочисленнѣе, чѣмъ въ партіяхъ другихъ странъ, что и уровень его политическаго воспитанія ниже. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ — ничто, что его можно не принимать въ разсчетъ, говоря о нынѣшней партіи?

Безспорно, что у насъ интеллигенція играетъ относительно гораздо большую роль, чѣмъ въ другихъ странахъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что она у насъ — все?

[1]) Тов. Мартовъ заявляетъ: „Рабочей партіей наша партія пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ея организацій (комитетовъ), въ числѣ членовъ которыхъ процентъ рабочихъ весьма незначителенъ.“

Вотъ онъ, „не-бюрократическій“ взглядъ на партію. Для тайнаго совѣтника Мартова „люди“ начинаются только со статскихъ совѣтниковъ, члены партіи — только съ комитетовъ.

И какая грубая неправда — утвержденіе Мартова, что „со времени экономизма наша партійная организація по личному составу стала относительно болѣе интеллигентской“?

Кто этому повѣритъ?

Какъ разъ за послѣдніе годы партія наша освободилась отъ значительной части той неопредѣленной оппортунистической интеллигенціи, которая раньше примыкала къ ней потому, что не имѣла другого политическаго прибѣжища: теперь, когда сложилась буржуазная группа „Освобожденія“ и промежуточная партія соц.-рев., туда ушла масса прежнихъ „марксистовъ“. И теперь особенно нелѣпо представлять нашу партію, какъ „интеллигентскую“, когда она такъ сильно страдаетъ отъ недостатка „интеллигенціи“ для тѣхъ функцій, которыя трудно или неудобно выполнять „сознательнымъ пролетаріямъ“.

Нѣтъ, наша партія есть уже не „отчасти“, а *въ значительной мѣрѣ* „дѣйствительно пролетарская“; она не лжетъ, называя себя такою, и тяжесть доказательства по справедливости должна лежать на томъ, кто утверждаетъ противное.

Выдѣленіе пролетарскаго авангарда не „находится въ процессѣ возникновенія“, а есть *совершившійся фактъ*. Этотъ авангардъ растетъ и крѣпнетъ; онъ составляетъ основу партіи.

Невѣрна, стало быть, и вторая посылка Розы Люкс., которую она съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ заимствовала у нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ, воспринимающихъ настоящее нашей партіи съ далекаго разстоянія черезъ очки пропилаго.

Послѣ этого нѣтъ необходимости разбирать выводы Розы Люкс.: изъ ложныхъ посылокъ нельзя ожидать вѣрныхъ заключеній.

Я убѣжденъ, что большинство русскихъ товарищей согласится съ основной идеей, которая здѣсь высказана:

Организаціонную основу русской соціалъдемократіи составляетъ развивающійся сознательный авангардъ

русскаго пролетаріата; и условія производственной жизни и условія классовой борьбы дали этому авангарду достаточное воспитаніе въ духѣ товарищеской дисциплины, чтобы возможно было приступить къ созданію стройной, по возможности централизованной партійной организаціи.

Одинъ изъ выводовъ.

Великія надежды и великое разочарованіе... За съѣздомъ — междоусобія, за формальнымъ объединеніемъ — реальное разъединеніе: парціализмъ побѣдоносно аттаковалъ партійность. Самодержавіе, терпя пораженіе отъ могучаго внѣшняго врага, имѣло утѣшеніе видѣть, какъ сильнѣйшій изъ его внутреннихъ враговъ терпитъ пораженія отъ... самого себя. И если каждый изъ насъ убѣжденъ, что наша молодая партія съумѣетъ пережить и преодолѣть этотъ кризисъ, какъ пережила и преодолѣла другіе, то отъ этого не становится много легче жить и работать въ отравленной атмосферѣ настоящаго.

Задача состоитъ теперь не только въ томъ, чтобы непосредственно положить конецъ неурядицѣ, устранивши ее изъ области *практическихъ* отношеній организаціи и сведя ее къ законной и нормальной *идейной* борьбѣ оттѣнковъ: не только въ томъ, чтобы поскорѣе возстановить партійную дисциплину и культурныя формы партійной жизни. Надо также полностью использовать тяжелый урокъ, — овладѣть всѣми необходимыми выводами изъ невеселаго опыта, который мы переживаемъ.

Для этого надо изслѣдовать причины и проявленія неурядицы такимъ образомъ, чтобы „не обвинять, не оправдывать, а понимать".

Я начну съ той стороны вопроса, которая больше бросается въ глаза, которая проще и понятнѣе, именно потому, что она лежитъ ближе къ поверхности.

Примемъ за достовѣрное, что для разъединенія партіи на два лагеря существовали вполнѣ достаточныя внутреннія причины, что въ ея жизни имѣлись два теченія, двѣ тенденціи, различіе ко-

торыхъ и перешло въ столкновеніе, породившее неурядицу.

Но едва мы пытаемся ближе опредѣлить эти теченія, какъ попадаемъ въ самое трудное положеніе — трудное и фантастически-странное.

Вашъ лозунгъ? обращаемся мы къ большинству. — „Партійная дисциплина!“ отвѣчаетъ оно. Почему такъ? спрашиваемъ мы. — „Потому что партійная дисциплина необходима партіи, и потому что именно она нарушается и подвергается нападкамъ“. — Но ради чего и во имя чего подвергается она нарушеніямъ и нападкамъ? — „Спросите у нападающей стороны, она до сихъ поръ не выяснила намъ этого“.

Отвѣтъ сильно насъ удивляетъ, но дѣлать нечего, приходится послѣдовать совѣту. Вашъ лозунгъ? спрашиваемъ мы у другой стороны. „Автономія и кооптація!“ Мы еще больше изумляемся оригинальному сочетанію. Что оно означаетъ?

Намъ объясняютъ, что „кооптація“ — это только средство, но *необходимое* средство для огражденія „автономіи“.

Какой же автономіи вы хотите? Безграничной? — Отнюдь нѣтъ, заявляютъ вожди меньшинства, — мы хотимъ широкой автономіи для мѣстныхъ организацій, но такой, которая совмѣстима со строгой партійной централизаціей; ибо мы — централисты.

Отчего же вы не хотите дать имъ этого? обращаемся мы къ большинству, — что вы имѣете противъ автономіи? — Мы ничего не имѣемъ противъ самой широкой автономіи, поскольку она совмѣстима съ централизаціей, — отвѣчаютъ тѣ. Нашъ уставъ *даетъ* такую автономію мѣстнымъ организаціямъ, а мы готовы до разъясненія и рѣшенія дѣла итти въ этомъ и нѣсколько дальше устава, лишь бы сохранить миръ въ партіи.

Все это — неправда, — перебиваетъ другая сторона, — они хотятъ не централизаціи съ автономіей, а бюрократизма, формализма, осаднаго положенія и бонапартизма. Это доказывается тѣмъ,

что они требуютъ для Ц. К. безусловнаго и неограниченнаго права раскассированія людей и организацій.

Зачѣмъ же это вы такъ? укоризненно обращаемся мы къ обвиняемымъ. — Никакого неограниченнаго права раскассированія мы и не думаемъ требовать, отвѣчаютъ тѣ, — такъ что „бонапартизмъ“ есть чистая фантазія; а что касается „бюрократизма и формализма“, то это и есть тѣ пріемы, при помощи которыхъ меньшинство создало для насъ „осадное положеніе“; именно оно путемъ „формальныхъ“ пріемовъ завладѣло двумя изъ трехъ нашихъ высшихъ учрежденій, и съ „бюрократической“ неуклонностью эксплуатируя ихъ въ цѣляхъ подавленія насъ, хочетъ завершить это дѣло „бюрократическимъ“ путемъ кооптаціи.

Тутъ другая сторона снова горячо вступаетъ въ діалогъ. Мы имѣемъ историческую миссію, восклицаетъ она, и намъ мѣшаютъ выполнить эту миссію. Она заключается въ рѣшеніи важнѣйшаго вопроса: *„что и какъ должны мы сдѣлать для того, чтобы русская соціальдемократія (прежде чѣмъ наступитъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію*“. — Прекрасная задача, отвѣчаетъ „большинство“, — прекрасная, хотя и формулированная очень неудачно: потому что если бы наша партія не была „хоть отчасти“ дѣйствительно пролетарской, то она лгала бы, называя себя рабочей соціальдемократіей. Но, во-первыхъ, почему „меньшинство“ хочетъ взять себѣ привилегію на эту *общепартійную* задачу? И, во-вторыхъ, почему оно такъ странно приступаетъ къ рѣшенію задачи? Какимъ образомъ можетъ помочь этому рѣшенію „кооптація“ новыхъ интеллигентовъ въ Ц. К., какимъ образомъ — мартовскій 1 § устава, облегчающій вступленіе въ партію колеблющихся непролетарскихъ элементовъ, не склонныхъ къ организаціи, какимъ образомъ — борьба противъ партійной дисциплины, такъ

мало соотвѣтствующая классовому духу пролетаріата, и такъ много — индивидуалистическимъ склонностямъ интеллигенціи?

Какъ же быть? обращаемся мы уже къ другой сторонѣ: вѣдь дѣло то, выходитъ, не выяснено? — Да, конечно не выяснено, отвѣчаетъ она, и именно поэтому мы протестуемъ противъ всякихъ попытокъ подавленія нашихъ невыясненныхъ стремленій большинствомъ: когда они будутъ выяснены, тогда, несомнѣнно, вся ихъ справедливость станетъ очевидна для всякаго

Итакъ, *разногласія не выяснены*: вотъ центральный фактъ современной неурядицы, фактъ невѣроятный, но несомнѣнный.

Въ исторіи бываетъ, что массы стихійно возстаютъ противъ существующихъ отношеній, не умѣя выяснить, чего собственно хотятъ, во имя чего борятся. Но это имъ простительно и исторически понятно: ибо онѣ массы, лишенныя яснаго самосознанія. Но соціальдемократія есть *партія классового самосознанія* пролетаріата; и чтобы въ такой партіи одна часть возстала противъ цѣлаго, не имѣя яснаго сознанія своихъ стремленій и принципіальныхъ требованій, чтобы она въ теченіе долгаго времени продолжала эту борьбу, не будучи въ силахъ привести эти стремленія и требованія къ ясной формулировкѣ, и все это не смотря на то, что во главѣ этой фракціи идетъ цѣлый рядъ опытныхъ идеологовъ-литераторовъ, несмотря на то, что главное средство выясненія — партійная печать — всецѣло въ ея рукахъ: да, все это кажется невѣроятнымъ, и тѣмъ не менѣе это такъ.

Чтобы это стало возможнымъ, необходимы какія то совершенно особенныя условія, исключительно благопріятныя для реальнаго разъединенія партіи, для поддержанія и разжиганія возникающихъ въ ней конфликтовъ, для обобщенія этихъ конфликтовъ во фракціонную борьбу.

Чтобы опредѣлить эти условія, надо прослѣдить фракціонную борьбу тамъ, гдѣ она выступаетъ всего рѣзче и напряженнѣе, гдѣ она концен-

трируется и выражается всего полнѣе, ибо тамъ дѣйствіе этихъ условій должно быть всего сильнѣе, а потому и всего очевиднѣе.

Гдѣ же это именно? Въ мѣстныхъ комитетахъ, гдѣ ведется основная партійная работа, гдѣ потребности партійной жизни проявляются всего непосредственнѣе и всего интенсивнѣе? Нѣтъ, не тамъ: въ мѣстныхъ комитетахъ отношенія сторонъ довольно сносны, „большинство“ и „меньшинство“ довольно дружно ведутъ общую работу.

Главный очагъ междоусобій — *высшія центральныя учрежденія партіи.*

Меньшинство группируется вокругъ центральнаго литературнаго учрежденія, большинство — вокругъ центральнаго учрежденія практическаго.

Отношеніе это подчеркивается тѣмъ, что къ литературному центру примыкаетъ другая по преимуществу литераторская организація партіи — Лига, прежняя главная крѣпость меньшинства, до завоеванія редакціи Ц. О., и *меньшая* часть (около $^1/_5$-$^1/_4$) практическихъ организацій — комитетовъ: къ практическому центру — наибольшая часть практическихъ организацій.

Картина сразу обрисовываетъ намъ тѣ исключительныя условія, которыя были особенно благопріятны для развитія неурядицы: это — *раздвоенность самой партійной организаціи*, независимость и отдѣльность организацій литературной и практической. Централистическая организація съ двумя отдѣльными центрами! Типъ организаціи, идеально приспособленный для... междоусобій. И при самомъ его созданіи, которое было одинаково дѣломъ „большинства“ и „меньшинства“ съѣзда, это смутно сознавалось его творцами и выразилось въ устройствѣ „примирительной камеры“ надъ обоими центрами — Совѣта Партіи. Вѣдь самая мысль о примирительной камерѣ возникаетъ только тамъ, гдѣ чувствуется неизбѣжность борьбы.

Не обвинять, не оправдывать, а понимать! Созданіе именно такой организаціи было историче-

ски неизбѣжно въ силу общихъ условій развитія русской соціальдемократіи на ея пути къ объединенію.

Эти общія условія, которыя было бы слишкомъ долго разбирать здѣсь, привели къ тому несомнѣнному и не вполнѣ обычному въ исторіи факту, что *главными дѣятелями партійнаго объединенія выступила литературныя интеллигенція партіи* (прежде всего — организація „Искры“).

Этой литературной интеллигенціи пришлось не только отразить отъ партіи различныя дезорганизующія силы, которыя пытались въ нее проникнуть изъ несоціалистическихъ группъ общества; ей пришлось не только распространять и охранять идеи пролетарской соціальдемократіи, ей пришлось также выполнить очень большую и очень важную часть прямой объединительной организаціонной работы.

Именно въ силу этого литературная интеллигенція партіи ко времени съѣзда и на съѣздѣ представляла изъ себя въ партіи силу, самостоятельно организованную и наиболѣе организованную, и потому наибольшую.

Такое положеніе она постаралась закрѣпить за собою на съѣздѣ въ видѣ организаціи литературнаго центра, независимаго отъ центра практическаго. И практики пошли на это, памятуя громадныя заслуги литературной интеллигенціи, вѣря въ ея испытанную принципіальную устойчивость, въ ея способность охранить партію отъ идейнаго разброда и шатанія, воспоминанія о которомъ были еще такъ свѣжи.

Но такимъ путемъ создалась двойственная организація, которая оказалась самой удобной почвой для разброда и шатанія *безъидейнаго*...

Исторія уже осудила этотъ опытъ и показала, что система двухъ центровъ всего легче сводится къ ихъ взаимному парализованію. Разъединеніе „теоріи“ и „практики“ въ жизни партійнаго цѣлаго блестяще доказало свою безнадежность. Задача будущаго партійнаго съѣзда — ликвидиро-

вать этотъ неудачный опытъ и создать *дѣйствительно единую* организацію.

Таковъ, мнѣ кажется, одинъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ очевидныхъ выводовъ изъ нашей неурядицы.

Я не предлагаю опредѣленнаго плана организаціи, я указываю только на существенную организаціонную задачу. Ея практическое разрѣшеніе связано, безспорно, съ извѣстными трудностями; главная изъ нихъ заключается въ томъ, что органъ партіи приходится издавать за-границей, а руководство практической работой возможно только на мѣстѣ — въ Россіи, чѣмъ стѣсняется живое непрерывное организаціонное общеніе „теоретиковъ“ и „практиковъ“ центра. Съѣзду придется считаться съ такими трудностями, — и онъ долженъ преодолѣть ихъ такъ или иначе, потому что разрѣшить задачу все-таки необходимо.

Редакція Центральнаго Органа должна стать частью Центральнаго Комитета партіи. Литераторы и практики должны работать не „параллельно“, а вмѣстѣ и за-одно. Они должны быть *отвѣтственны одни за другихъ*, какъ члены одного цѣлаго; они должны всегда и вполнѣ *понимать другъ другу*.

У насъ — все наоборотъ. Ц. К. не отвѣтственъ за Ц. О. и Ц. О. за Ц. К.; поэтому возможны открытыя аттаки и систематическая борьба одного противъ другого. Парализуя работу Ц. К. своей агитаціей и полемикой, Ц. О. получаетъ на свою долю больше вліянія въ партіи; защищая свое положеніе, Ц. К. не можетъ не ослаблять вліянія Ц. О. Между разъединенными и борющимися центрами накопляются все новыя и новыя недоразумѣнія. Силы партіи идутъ богъ знаетъ на что, и передъ лицомъ міровыхъ событій, отъ которыхъ зависитъ все ея будущее и будущее Россіи, она оказывается раздробленной, ослабленной, нерѣшительной.

А между тѣмъ, въ борьбѣ фракцій ихъ разъединеніе растетъ и становится глубже. Чѣмъ дальше идетъ эта борьба, тѣмъ вѣроятнѣй стано-

вится расколъ: различія и оттѣнки обѣихъ группъ, естественно, развиваются путемъ борьбы, и ихъ взаимное примиреніе становится труднѣе. Надо поскорѣе покончить съ нашимъ „самобытнымъ“ двойственнымъ объединеніемъ и устроиться такъ, какъ это бываетъ у обыкновенныхъ европейцевъ.

Идея не нова, и даже настолько, что это можетъ повредить ей. Я предвижу, напримѣръ, такое „возраженіе“: вы говорите о центрахъ то, что говорили бундисты. — Да, они говорили это, и были правы: они основывались на своемъ организаціонномъ опытѣ, а ихъ организація, безспорно, совершеннѣе нашей.

Въ только что вышедшей брошюрѣ Н. Рязанова выставляется та же идея единаго центра. Къ сожалѣнію, она заслоняется у Рязанова такими „точками зрѣнія“, за которыми трудно оцѣнить ее въ достаточной мѣрѣ правильно. Для Рязанова и съѣздъ, и вся современная организація партіи — результатъ интригъ „оппортунистической“ старой „Искры“; да и въ организаціонномъ планѣ Рязанова есть такіе элементы „демократизма“ и „выборнаго начала“, которые просто практически нежизнеспособны. Все это не мѣшаетъ ему говорить въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣльныя вещи; и таковы его взгляды по вопросу о двухъ или одномъ центрѣ.

На съѣздѣ Ленинъ пытался сдѣлать нѣкоторые практическіе шаги въ томъ направленіи, которое такъ рѣшительно намѣчается теперь самой жизнью. Ленинская идея взаимной кооптаціи въ двухъ центрахъ сводилась, очевидно, именно къ стремленію создать нѣкоторую взаимную связь и взаимную отвѣтственность центровъ, а проэктированный Ленинымъ Совѣтъ Партіи, весь выбираемый съѣздомъ, въ извѣстной степени даже являлся бы дѣйствительнымъ единымъ и объединяющимъ центромъ, какимъ отнюдь не можетъ стать нынѣшній Совѣтъ Партіи, зависящій въ своемъ составѣ отъ Ц. К. и Ц. О. Но проэкты Ленина не прошли на второмъ съѣздѣ, а третьему съѣзду уже нельзя будетъ ограничиться полу-реформами въ такомъ родѣ...

Кто же проведетъ необходимую реформу центровъ?

Партійное „большинство“ должно взять здѣсь инціативу въ свои руки, потому что для „меньшинства“ это политически невозможно: для него выполненіе предлагаемой реформы означало бы потерю самой выгодной позиціи для аттакъ противъ „врага“. Да и психологически это для „меньшинства“ невозможно, такъ какъ это означало бы *необходимость для интеллигентской фракціи нашей партіи отказаться отъ самостоятельнаго существованія.*

Тутъ мы подошли къ самой сущности современной неурядицы, къ вопросу объ ея „реальныхъ основахъ“.

„Двойственное объединеніе далеко не новость въ жизни русской соціальдемократіи.“ Очень многіе мѣстные комитеты принимали въ разное время эту форму организаціи: параллельное существованіе двухъ „центровъ“ — интеллигентскаго и рабочаго. И, чѣмъ болѣе обособлялась внутренняя жизнь этихъ „центровъ“, тѣмъ сильнѣе выступало безсиліе двуединаго цѣлаго и неурядица въ его отношеніяхъ: какъ разъ то же самое, что наблюдается теперь въ большихъ размѣрахъ въ жизни всей партіи[1]).

Дѣло теперь идетъ о борьбѣ обособившейся, интеллигентской по преимуществу, фракціи противъ дисциплины партійнаго цѣлаго рабочей партіи.

[1]) Я говорю все это отнюдь *не противъ раздѣленія труда*, а противъ *разъединенія организаціонной жизни и практической отвѣтственности.* Напротивъ, я считаю заслугой организаціоннаго плана Ленина (Письмо къ товарищу...) подчеркиванье важности раздѣленія труда для плодотворности работы партіи. Бояться вредныхъ послѣдствій раздѣленія труда вообще въ нашей партіи *еще слишкомъ рано* (въ этомъ ошибка организаціонной точки зрѣнія Череванина — „Орган. вопросъ“). Надо только, чтобы организація *жила за одно и работала за-одно.* Раздѣленіе труда опасно при томъ условіи, что оно закрѣпляется организаціонной независимостью его частей, и съ этой стороны мы имѣемъ уже всѣ его худшіе результаты въ видѣ современной неурядицы (обособленіе литературнаго труда и его формальная независимость, воплощенная въ особомъ „центрѣ“).

Что именно такова сущность борющихся „оттѣнковъ“, это должно быть совершенно очевидно для непредубѣжденнаго наблюдателя.

Вѣдь не случайность же это, что на сторонѣ „меньшинства“ объ литераторскія организаціи партіи и незначительная часть практическихъ, тогда какъ на сторонѣ большинства — наибольшая часть практическихъ.

Не случайность, конечно, и то, что въ заграничной части партіи, гдѣ рѣшительно преобладаетъ интеллигенція, значительное большинство сторонниковъ принадлежитъ „меньшинству“, тогда какъ въ Россіи, гдѣ партійной интеллигенціи *сравнительно* гораздо меньше, а связь ея съ пролетаріатомъ живѣе, дѣло обстоитъ наоборотъ[1]).

Не случайность, конечно, и то, что позиція „меньшинства“ такъ неясна и неопредѣленна въ сферѣ принципіальныхъ вопросовъ, какъ это свойственно вообще интеллигенціи.

Не случайность и то, что при всей неопредѣленности стремленій „меньшинства“, въ его дѣйствіяхъ ясно прорывается окраска анархическаго отношенія къ партійной жизни, а въ его заявленіяхъ „автономія“ выступаетъ противъ партійной дисциплины: все это черты интеллигентскаго индивидуализма.

Не случайность и „кооптаціонное“ упорство „меньшинства“; ибо вѣра въ возможность бюрократической смѣной лицъ уравновѣсить реальныя противорѣчія тенденцій, такая вѣра свойственна русской интеллигенціи въ силу ея историческаго развитія подъ прессомъ бюрократическаго режима, перемѣны въ давленіи котораго всегда воплощаются въ смѣнѣ „князя Ивана“ „княземъ Петромъ“ и т. д.

Наша неурядица имѣетъ свою логику. Переходъ отдѣльныхъ лицъ отъ одной позиціи къ другой можно и слѣдуетъ, конечно, разсматривать, какъ случайность; но не случаенъ тотъ фактъ, что меньшинство, которое, по его словамъ, отста-

---

[1]) Характерно, что и за-границей, насколько мнѣ извѣстно, рабочія группы склоняются больше на сторону „большинства“.

ивало на съѣздѣ независимость Ц. К. отъ Ц. О. (независимость Ц. О. для обѣихъ сторонъ тогда была внѣ сомнѣнія), послѣ съѣзда ведетъ, укрѣпившись въ Ц. О., долгую кооптаціонную борьбу противъ независимости Ц. К. *Временныя* положенія той или другой стороны въ борьбѣ политическихъ фракцій нерѣдко совершенно противорѣчатъ ихъ *дѣйствительнымъ и постояннымъ* тенденціямъ, но это и обнаруживается послѣдующимъ быстрымъ поворотомъ на новую позицію и большой устойчивостью этой послѣдней.

Такъ было и съ этой неурядицей: вначалѣ позиціи перепутывались въ борьбѣ, но потомъ онѣ опредѣлились и стали устойчивы: интеллигентски-анархическія тенденціи противъ организаціонно-пролетарскихъ.

Я не хочу, чтобы меня ложно поняли: интеллигентское теченіе нашей партіи отнюдь не то, что чистая интеллигенція, либеральная или демократическая; нѣтъ, дѣло идетъ объ оттѣнкахъ въ *соціалистической рабочей партіи*, оттѣнкахъ, различіе которыхъ временно усилилось и отношенія обострились благодаря цѣлому ряду преходящихъ условій: необычная роль партійной интеллигенціи въ дѣлѣ партійнаго объединенія, двойственная организація, облегчающая расхожденіе оттѣнковъ, и т. д. Именно поэтому, я думаю, нѣтъ основанія опасаться раскола, несмотря на по-истинѣ чудовищное озлобленіе, съ какимъ ведется борьба: въ каждомъ изъ нашихъ противниковъ у насъ есть сильный союзникъ, которому имя — соціальдемократъ; и рано или поздно этотъ союзникъ справится съ раздраженнымъ дезорганизаторомъ. Только „невыясненность“ разногласій для нашихъ противниковъ мѣшаетъ имъ видѣть, насколько эти разногласія ничтожны по сравненію съ тѣмъ, что насъ связываетъ.[1])

Но чѣмъ больше протянется неурядица, тѣмъ *реально-больше* окажутся партійныя противорѣчія

[1]) Т. Плехановъ давно указывалъ на это — правда, тщетно.

къ моменту ихъ необходимой ликвидаціи, потому что противорѣчія успливаются на почвѣ разъединенія и борьбы. И потому то необходимо, чтобы съѣздъ, который одинъ можетъ все уладить, произошелъ какъ можно скорѣе. Неужели еще мало отравлена атмосфера партійной жизни? И почему боятся того, что съѣздъ, будто бы, сведется къ механическому подавленію „меньшинства“? Партійная интеллигенція слишкомъ важный элементъ партійной силы, чтобы партія рѣшилась пожертвовать такой значительной ея частью, — пусть только „меньшинство“ не доводитъ дѣла до крайности, и вспомнитъ объ общихъ интересахъ, которые важнѣе частныхъ. „Уступчивость“ должна быть не съ одной только стороны...

„Литераторы“ должны будутъ, вѣроятно, примириться съ тѣмъ, что на этомъ съѣздѣ вліяніе практиковъ выступитъ на первый планъ. Но именно это вліяніе будетъ ручательствомъ за то, что спорные вопросы — о степени и формахъ централизаціи и автономіи и т. д. — будутъ рѣшены не абстрактными разсужденіями теоретиковъ, а выясненіемъ конкретныхъ потребностей пролетарской борьбы.

Довольно съ насъ междуусобій и безсилія. Событія не ждутъ, они развиваются со страшной быстротой, исторія не сегодня-завтра поставитъ передъ нами неотложную задачу, отъ рѣшенія которой будетъ зависѣть будущее всей нашей партіи, и не только ея одной. При такихъ условіяхъ затягивать теперешнее положеніе становится не простой ошибкой: это историческое преступленіе.

Рядовой.

3 (16) іюля 1904 г.

Органъ безъ Партіи и Партія безъ органа.

Въ досъѣздовскій періодъ наша партія представляла собою рядъ кружковъ, не связанныхъ организаціонно и не отвѣтственныхъ другъ за друга. Изъ общаго правила не исключались и заграничные издательскіе или литературные кружки. Россійскіе товарищи могли косвенно, въ качествѣ такъ сказать потребителей, вліять на характеръ и направленіе заграничныхъ газетъ; это вліяніе рѣдко было оформлено, какъ право. Со времени 2-го съѣзда „Искра“ изъ органа кружка преобразована въ центральный органъ партіи. Соотвѣтственно измѣнились отношенія между членами партіи и редакціей. Каждый членъ партіи и каждая партійная организація обязаны поддерживать Ц. О. своимъ личнымъ вліяніемъ, устной защитой, сотрудничествомъ, распространеніемъ, матеріальными средствами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и партія въ цѣломъ, и отдѣльныя части ея получили право предъявлять къ редакціи опредѣленныя требованія относительно направленія и содержанія органа. Послѣдній долженъ удовлетворять нужды партіи въ цѣломъ, а не служить частнымъ интересамъ отдѣльныхъ теченій и кружковъ. Редакція, не удовлетворяющая этому основному требованію, должна считаться не оправдавшей довѣрія, не удовлетворяющей своему назначенію. Что касается принципіальнаго направленія органа, то оно должно соотвѣтствовать указаніямъ и волѣ партіи. Воля партіи оффиціально выражается на съѣздѣ, который утверждаетъ направленіе и выбираетъ редакцію. Если избранный составъ редакціи не считаетъ возможнымъ проводить принципы, принятые съѣздомъ, то онъ обязанъ отказаться отъ возложеннаго на него порученія.

Нашъ второй съѣздъ объявилъ старую „Искру“ партійнымъ органомъ, считая, что принципы „Искры“ — его принципы. Чтобы проводить дальше принципы старой „Искры“, признанные на съѣздѣ за принципы партіи, съѣздъ избралъ въ редакторы наиболѣе дѣятельныхъ членовъ редакціи старой „Искры“ (Ленина, Плеханова, Мартова). Оспаривая выборы, меньшинство доказывало, что для дальнѣйшаго проведенія въ жизнь и развитія идей старой „Искры“ долженъ быть сохраненъ полностью прежній составъ редакціи; являясь сторонникомъ этого взгляда, Мартовъ отказался войти въ составъ редакціи, избранной съѣздомъ.

Нынѣшняя „Искра“ не удовлетворяетъ ни одному изъ двухъ основныхъ требованій, которыя предъявляются къ центральному органу партіи.

Перемѣнивъ направленіе газеты, редакція нарушила довѣріе партіи. Думаю, что всякій, знакомый съ старой и съ новой „Искрой“, признаетъ, что мое заявленіе о перемѣнѣ направленія не голословно. Кажется, и сама редакція не скрываетъ, что она взяла новый курсъ. Тѣмъ не менѣе было бы полезно выясненіе вопроса, какъ и въ чемъ, и въ какую сторону уклонилась новая редакція отъ точнаго исполненія воли партіи въ принципіальномъ отношеніи; однако, это выясненіе не входитъ въ задачу моей работы. Я надѣюсь, что назрѣвшему вопросу въ скоромъ времени будетъ посвящена особая статья одного изъ моихъ товарищей.

Редакція нарушила довѣріе, не удовлетворивъ и второму основному требованію: обслуживать нужды всей партіи, обсуждать явленія внутрипартійной жизни не съ точки зрѣнія кружка, а съ точки зрѣнія партіи.

Та борьба, которая идетъ теперь внутри партіи, лишь въ сравнительно малой мѣрѣ является борьбой изъ-за принциповъ. У насъ, по признанію и члена меньшинства Аксельрода, разногласія даже въ организаціонныхъ вопросахъ впервые ясно и конкретно проявились только *въ методахъ и пріемахъ* (курсивъ Аксельрода) проведенія централизма на прак-

тикѣ. Разница въ принципахъ, по признанію Аксельрода, явилась позже.

Разъ возникъ въ партіи споръ о методахъ и пріемахъ, задачей центральнаго, общепартійнаго органа становилось добросовѣстное выясненіе достоинствъ и недостатковъ методовъ обѣихъ сторонъ. Конечно, сама редакція должна поспѣшить выработать опредѣленный взглядъ и проводить его, — это не исключаетъ возможности видѣть недочеты у себя и нѣкоторыя достоинства у противника: трудно допустить, чтобы еще до полнаго выясненія вопроса на одной сторонѣ оказались исключительно ошибки, на другой — папская непогрѣшимость. Критикуя пріемы и методы обѣихъ сторонъ и проводя свой опредѣленный взглядъ, редакція каждый разъ должна прежде всего неопровержимо убѣдиться въ наличности неудачныхъ методовъ и пріемовъ; затѣмъ должна ознакомиться съ конкретными условіями, вызвавшими ихъ, и съ мотивами дѣятелей; наконецъ добросовѣстность требуетъ, чтобы обобщенія дѣлались крайне осторожно, чтобы крайности и ошибки отдѣльныхъ лицъ не приписывались всему теченію и не объявлялись его общимъ руководящимъ началомъ.

Къ несчастью для партіи, редакція Ц. О. послѣ ухода Ленина и вступленія Мартова, Аксельрода, Засуличъ и Старовѣра, была поставлена въ невозможность удержаться на высотѣ положенія; она не могла удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ редакціи общепартійнаго центральнаго органа. Чтобы соотвѣтствовать своему назначенію, редакція должна находиться въ тѣсномъ общеніи съ практиками; болѣе того, — въ дружескомъ общеніи. Только при дружескомъ общеніи образуется взаимное пониманіе съ полуслова. При наличности же вражды открывается широкій просторъ подозрительности, лжетолкованіямъ, недоразумѣніямъ, склонности представлять себѣ поступки противника въ черномъ цвѣтѣ; взаимное пониманіе затрудняется до крайности. Оглядываясь теперь назадъ, приходится признать

роковую ошибку, сдѣланную первоначальными редакторами: уходъ Ленина и кооптація, произведенная Плехановымъ, фатально вели и ведутъ къ усиленію раздора въ партіи. Правда, при очень большой силѣ характера и при вполнѣ ясномъ пониманіи своихъ задачъ новая редакція, говоря абстрактно, могла бы сдѣлать надъ собою героическое усиліе, побѣдить личныя чувства обиды и непріязни, временно устранить со страницъ органа слишкомъ рѣзкое обсужденіе больныхъ вопросовъ, сблизиться съ противной стороной и заняться добросовѣстнымъ, спокойнымъ ознакомленіемъ, изъ первыхъ рукъ, съ ея пріемами и методами. Ничего этого члены новой редакціи не сдѣлали. Торжествуя побѣду, они съ новой отвагой обрушились на противную сторону, да такъ при одной отвагѣ и остались. Стороны разошлись дальше прежняго, неизмѣримо увеличилась трудность взаимнаго пониманія, наростали недоразумѣнія. Наконецъ, два видныхъ члена редакціи (Плехановъ и Аксельродъ) на минуту опомнились было и признали наличность недоразумѣній. Казалось бы теперь то и остановиться, теперь то и призвать сотоварищей по редакціи къ изученію положенія дѣлъ, къ разсѣянію недоразумѣній. Ничуть не бывало! Редакція не сочла нужнымъ даже кратковременное перемиріе. Походъ противъ пріемовъ и методовъ большинства продолжается. Я попробую на отдѣльныхъ примѣрахъ показать, какими пріемами и методами пользуется редакція въ своей борьбѣ противъ партійнаго большинства.

1. О причинахъ русско-японской войны.

Начну съ вопроса, который повидимому прямо такъ невозможно связать съ вопросомъ о „методахъ и пріемахъ“ организаціи. Это вопросъ о причинахъ русско-японской войны. Съ объявленіемъ ея комитеты поспѣшили объяснить въ прокламаціяхъ причины событія и его возможныя слѣдствія. Какъ причина, выставлялось исканіе русской буржуазіей новыхъ рынковъ въ Манчжуріи и Кореѣ.

Редакція П. О. считаетъ это объясненіе недостаточнымъ или, если хотите, даже вовсе неправильнымъ. Прежде даже, чѣмъ соотвѣтственные номера „Искры“ могли сколько нибудь значительно распространиться въ Россіи, въ № 62 отъ 15 марта печатается фельетонъ тов. Т., въ которомъ недостаточное или невѣрное объясненіе причинъ войны объявляется частнымъ примѣромъ насованія передъ насущными вопросами и ставится въ связь съ партійнымъ дѣленіемъ: „Тѣ товарищи, мысль которыхъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей, не только не пытаются теоретически и практически искать рѣшенія задачи, но и не пробуютъ ея поставить“.

Насколько мнѣ извѣстно, мысль товарищей работала въ началѣ войны; да и вообще мысль русской соціальдемократіи всегда работаетъ; но сознавая себя членами единой партіи, они колебались давать войнѣ объясненіе иначе, какъ въ самой общей формѣ, впредь до полученія лозунга отъ Ц. О., какъ отъ общепартійнаго идейнаго руководителя. Правильно это было или нѣтъ, во всякомъ случаѣ тов. Т. и редакція слишкомъ поспѣшили съ обвиненіями: оказалось, что члены меньшинства въ общемъ объясняли причины войны такъ же, какъ и члены большинства партіи. Уличенный въ облыжномъ обвиненіи противъ большинства, тов. Т. выпалилъ (№ 68): — Но чѣмъ меньшинство безконечно отличается отъ большинства, — такъ это горячимъ желаніемъ учиться, которое психологически опирается на отчетливое сознаніе нашей теоретической малокультурности, нашего политическаго варварства.

Вы опѣломлены, читатель, этимъ наборомъ громкихъ словъ, этимъ новымъ облыжнымъ обвиненіемъ? Не удивляйтесь: когда нужно обвинить большинство, редакція считаетъ доказательства излишней роскошью. Можно бы пройти мимо этого новаго бездоказательнаго обвиненія; но мнѣ все-таки хочется сослаться на какой нибудь авторитетъ. Не-

релистываю „Искру“ и встрѣчаю указаніе, что если напримѣръ, Петербургскій Комитетъ однажды согрѣшилъ, то за то въ другихъ своихъ прокламаціяхъ сталъ на правильную точку зрѣнія: узнаю, что Николаевскій Комитетъ тоже старался поучиться у „Искры“, — удачно или неудачно, это вопросъ особый. Какъ же Т. проглядѣлъ эти указанія Ц. О. на желаніе учиться, оказавшееся у членовъ большинства? Вѣдь это указаніе сдѣлалъ самъ Т. въ томъ самомъ фельетонѣ № 62, который онъ защищаетъ въ № 68. Но вы думаете, что слова Т. въ № 62 имѣютъ какой нибудь вѣсъ для Т. въ № 68 или въ будущемъ № 78? Сомнѣваюсь! Сомнѣваюсь, потому что помню щедринскаго Балалайкина. Это любопытный феноменъ, Балалайкинъ вретъ ради процесса вранья; совретъ и забудетъ; опять совретъ и опять забудетъ; первая фраза противорѣчитъ второй, вторая третьей, — Балалайкинъ этимъ не смущается: его занимаетъ не цѣль, а самый процессъ вранья.

Ну, а редакція Ц. О.? Не изъ Балалайкиныхъ же она состоитъ? Нѣтъ, конечно. Но ей нужно вести войну противъ большинства, а на войнѣ всѣ средства хороши.

2. Объ Одесскомъ Комитетѣ.

Одесскому Комитету посчастливилось обратить на себя вниманіе Ц. О. Познакомимся съ исторіей, какъ ее пишетъ редакція.

Понаѣзжали въ Одессу хлопцы и дѣвицы, и какъ на грѣхъ, — все изъ меньшинства, и стали „пущать критику“. Такъ окольными путями дошла до рабочихъ вѣсть о меньшинствѣ. Спрашиваютъ. Черезъ установленное время получился отвѣтъ: „не вашего молъ ума дѣло, въ свое время узнаете“ (№ 63, стр. 3). Время наѣзда не указано: но еще въ № 60 Л. М. помѣстилъ патетическую тираду противъ Одесскаго Комитета за умолчаніе о съѣздовскихъ разногласіяхъ.

Одесскій Комитетъ (№ 64) оправдывается: „Въ виду отсутствія протоколовъ партійнаго съѣзда и

другихъ печатныхъ матеріаловъ, комитетъ рѣшилъ не касаться на рабочихъ собраніяхъ до полученія этихъ протоколовъ вопроса о большинствѣ и меньшинствѣ, и распряхъ, поднятыхъ меньшинствомъ послѣ съѣзда". Какъ только матеріалы были получены, комитетъ поспѣшилъ ознакомить рабочихъ съ содержаніемъ разногласій. Кажется, редакція должна быть довольна? Нѣтъ: въ томъ же самомъ № читаемъ жалобу изъ Одессы: „Нашъ комитетъ очень долгое время просто замалчивалъ существующія партійныя разногласія. Какія у него были соображенія — богъ его вѣдаетъ!.. Но гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно! Объ организаціонныхъ разногласіяхъ заговорили всѣ".

Что же дѣлалъ, по словамъ этого жалобщика, Одесскій Комитетъ, пока хлопцы и дѣвицы не совершили наѣзда? „Нужно отдать справедливость: что касается агитаціи печатной, Одесс. Ком. дѣйствовалъ довольно сносно. До сихъ поръ были выпущены слѣдующіе листки: 1) Японцы-ли наши дѣйствительные враги; 2) Кто нашъ врагъ; 3) Послѣдній козырь самодержавія; 4) Рабочіе и война. Были изданы также: листокъ о 19 февраля 1861 г. и 1 марта 1881 г., брошюра о податяхъ и налогахъ, листокъ къ рабочимъ о еврейскомъ погромѣ — въ общей сложности около 70 тысячъ экземпляровъ. Почти всѣ эти прокламаціи изданы въ собственной типографіи Комитета и напечатаны довольно чисто".

Наѣздъ хлопцевъ и дѣвицъ имѣлъ послѣдствія, какія вообще имѣетъ появленіе наѣздниковъ. Но увы! въ комитетѣ всетаки продолжали засѣдать сторонники большинства, а посему редакція печатаетъ новую жалобу (№ 68): Всѣ дѣла стали, прокламацій мало, притокъ денегъ незначительный. Война настоятельно зоветъ къ работѣ, а комитетъ обременяетъ типографію печатаніемъ брошюры о съѣздѣ. „Мнѣ кажется, что нужна полная атрофія политическаго чутья, чтобы въ переживаемый моментъ оставаться безучастнымъ къ событіямъ. Возможно, что я ошибаюсь, возможно, что бездѣ-

ятельность проистекаетъ не отъ непониманія, а отъ безсилія. Но это ужъ другое дѣло, здѣсь нужно радикальное средство..." (№ 68).

Такимъ образомъ исторія Одесс. Ком. дѣлится на два періода:

Первый. Комитетъ печатаетъ 70,000 листковъ и молчитъ о смутѣ, т. е. держится „оппортунистической политики затушевыванія разногласій, тактики вредной, деморализующей и недостойной соціальдемократовъ". (№ 60 стр. 3. Подпись Л. М.).

Второй. Появились наѣздники меньшинства. Комитетъ занятъ выясненіемъ разногласій, т. е. „обнаруживаетъ полную атрофію политическаго чутья". (№ 68, приложеніе стр. 4).

Что же наконецъ долженъ дѣлать комитетъ большинства, чтобы угодить редакціи? Мнѣ скажутъ: въ силу того то и того то редакція предоставила всѣмъ желающимъ высказываться объ Одесскомъ Комитетѣ. Въ такомъ случаѣ я спрошу: что такое вообще центральный органъ? Идейный руководитель партіи? Или сточная канава для противорѣчивыхъ периферійныхъ сплетенъ?

3) О Войнѣ.

„Война настойчиво зоветъ къ работѣ, къ воздѣйствію на всѣ слои общества, зоветъ къ пробужденію и ихъ къ политической жизни. Было у насъ, но въ самомъ началѣ войны, нѣсколько прокламацій по поводу войны, но онѣ носили исключительно общій характеръ, тогда какъ послѣдовательный ходъ событій, представлявшій такой выдающійся агитаціонный матеріалъ, совершенно неиспользованъ. Цѣлый рядъ неудачъ на морѣ, хищеніе и грабежъ въ интендантствѣ и проч., гибель Петропавловска и проч. и проч... Переходъ черезъ Ялу, стремительное наступленіе японцевъ, высадки въ Ляодунѣ, поѣздки царя и обстановка ихъ и т. д... Мнѣ кажется, нужна полная атрофія политическаго чутья, чтобы въ переживаемый моментъ оставаться безучастнымъ къ событіямъ"...

Читатель вѣроятно подумалъ сначала, что я выписываю обвинительное письмо члена большинства противъ „Искры“; онъ подумалъ, что краски немного сгущены, но обвиненіе въ общемъ имѣло основаніе. Законная потребность читателя „Искры“ знать какъ можно больше о войнѣ и слѣдить за ея ходомъ удовлетворяется нашимъ органомъ болѣе чѣмъ плохо. Но затѣмъ читатель встрѣчаетъ уже знакомое выраженіе: „полная атрофія политическаго чутья“. Да, какъ это ни невѣроятно, но это фактъ, что редакція печатаетъ противъ мѣстнаго комитета обвиненіе въ томъ, что онъ не слѣдитъ за ходомъ войны въ то самое время, какъ сама чрезвычайно грѣшитъ въ этомъ отношеніи. А къ кому слѣдовало бы предъявлять большее требованіе: къ идейному партійному руководителю или къ мѣстному комитету? Но не забудемъ, что Одесскій Комитетъ — комитетъ большинства! И редакція имѣетъ еще при этомъ смѣлость печатать: „Искра“ предоставляетъ Одес. Комитету полную возможность оправдываться!“...

4) О паспортахъ.

Читатель уже знаетъ исторію о томъ, какъ редакція требовала паспортъ за двумя подписями отъ товарища Рядового, прислaвшаго полемическую статью. Рядовой никакихъ особо-важныхъ фактовъ не сообщалъ, никого не компрометировалъ. Если онъ былъ въчемъ-либо неправъ, то могъ скомпрометировать только самого себя. Его статья написана въ защиту большинства.

Нѣсколько времени передъ тѣмъ редакція печатала письмо „совершенно неизвѣстнаго ей товарища“, дающаго „свое честное пролетарское слово“, что все написанное имъ — правда. Неизвѣстный авторъ, съ указаніемъ города, говоритъ о мѣстныхъ интеллигентахъ, что они интересуются больше скандальными подробностями съѣзда, чѣмъ сущностью разногласій, что они противорѣчатъ другъ другу, что они легкомысленно и поверхно-

стно относятся къ организаціоннымъ вопросамъ и т. д. Какъ витите, обвиненія такого общаго характера, что и опровергать ихъ невозможно. Но они набрасываютъ тѣнь на мѣстныхъ дѣятелей, — и редакція спѣшитъ печатать письмо неизвѣстнаго автора. Откуда такая поспѣшность? Не берусь рѣшать. Знаю только, что обвиненія направлены противъ одесскихъ товарищей, а въ Одессѣ — комитетъ большинства. Въ этихъ случаяхъ паспортъ не требуется, редакція не опасается „мистификаціи".

5) О редакціонныхъ мышахъ.

Въ № 70 редакція объявляетъ, что послѣднія событія (?) въ жизни партіи вызвали громадную литературу; между тѣмъ редакція можетъ удѣлять вопросамъ внутренней жизни партіи лишь опредѣленное мѣсто въ приложеніяхъ. Объ особыхъ правахъ членовъ редакціи печатать статьи по этимъ вопросамъ внѣ приложеній оговорки не сдѣлано. Но какъ разъ въ томъ же номерѣ помѣщены двѣ статьи: Засуличъ увѣряетъ, что Ленинъ стремится быть въ партіи самодержцемъ; Плехановъ тоже выступаетъ въ бой противъ Ленина. Очевидно редакція считаетъ Ленина явленіемъ внѣшнимъ для партіи, а борьбу противъ Ленина — не внутренней борьбой. За миражемъ самодержавія Ленина редакція готова забыть о самодержавіи Романова. Редакціонныя мыши рѣшили, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.

6) Плехановъ противъ Ленина.

Рѣшивъ, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ, Плехановъ помѣстилъ въ № 70 и 71 (не въ приложеніи) фельетонъ-левіаѳанъ противъ одного мѣста изъ брошюры Ленина „Что дѣлать?", Ленинъ теперь уже окончательно повѣшенъ и Мартовъ безбоязненно можетъ продолжать свое, кстати прерванное, надгробное слово. Стоитъ перечислить всѣ преступленія Ленина, найденныя Плехановымъ въ нѣсколькихъ строчкахъ брошюры. Ле-

нинъ откуда-то взялъ, будто мысль русской революціонно-соціалистической интеллигенціи развивалась совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія... Надо удивляться, какимъ образомъ Ленинъ не знаетъ того, что извѣстно всѣмъ и каждому... „Если бы Ленинъ далъ себѣ легкій трудъ сообразить это, онъ немедленно зачеркнулъ бы то свое положеніе, которое могло имѣть нѣкоторый смыслъ подъ перомъ писателя-*идеалиста* (курс. Плех.), но является неожиданной безсмыслицей, когда его выдвигаетъ и (слушайте!) отстаиваетъ человѣкъ, не безъ успѣха выдающій себя за сторонника матеріалистическаго объясненія исторіи“... „Какъ же Ленину не стыдно было писать такія... странности?“... Ленинъ противорѣчитъ Марксу и Энгельсу. „Если вы думаете, что правъ Ленинъ, то не называйте себя послѣдователями Маркса и Энгельса“... У Ленина масса — неодухотворенный сырой матеріалъ... „Ленину нужно было очень невнимательно отнестись ко взгляду Каутскаго“... „*Каутскій вѣренъ марксизму; Ленинъ измѣняетъ ему*“... (курс. Плех.) Односторонность свойственна какъ Ленину, такъ и „экономистамъ“. Четвертый періодъ нашего движенія характеризуется вліяніемъ ленинской метафизики... „Такъ-то, твердые товарищи! Вы сами, надѣюсь, видите теперь, что вашъ диктаторъ здорово и — нечего грѣха таить! — постыдно промахнулся“. У Ленина не было права ссылаться на Каутскаго... „Ленинъ не понялъ ни Каутскаго, ни Энгельса, ни Маркса, то есть вообще онъ не понялъ научнаго соціализма въ его отношеніи къ этому вопросу“...

Уфъ, даже рука устала выписывать только одну половину (№ 70) грѣховъ Ленина! Сколько муки долженъ былъ вынести бѣдный Плехановъ впродолженіе трехлѣтняго незаконнаго сожительства съ этимъ исчадіемъ ада! Странно, конечно, что Плехановъ только послѣ трехлѣтняго интереснаго положенія благополучно разрѣшился своимъ Левіафаномъ, — но объ этомъ послѣ.

Энергія обвиненій, вызванныхъ только одной фразой, приводитъ на память разсказъ Глѣба Успенскаго. Парень нанялся къ купцу сторожить дрова и раскроилъ черепъ нищему, который расположился отдохнуть по близости. Отказывая парню отъ мѣста, купецъ объясняетъ:

— Ужъ больно ты, братецъ, сурьезно служить началъ!

Опасаясь сурьезности Плеханова, я не стану защищать Ленина. Но, чтобы хоть немного выгородить своего Короля-Солнце (см. ст. Засуличъ въ № 70), я попробую предоставить слово самому Плеханову. На съѣздѣ онъ говорилъ:

„Предположимъ даже, что эта фраза была неудачна. То и тогда, слѣдовательно, это доказывало бы, что всѣ остальныя наши идеи превосходны. Пріемъ тов. Мартынова напоминаетъ мнѣ одного цензора, который говорилъ: „Дайте мнѣ Отче Нашъ и позвольте мнѣ вырвать оттуда одну фразу, — и я докажу вамъ, что его автора слѣдовало бы повѣсить“. Но всѣ упреки, направленные противъ этой злополучной фразы, и не однимъ тов. Мартыновымъ, а многими и многими другими, основаны на недоразумѣніи. Тов. Мартыновъ приводитъ слова Энгельса: „Современный соціализмъ есть теоретическое выраженіе современнаго рабочаго движенія.“ Тов. Ленинъ также согласенъ съ Энгельсомъ, а если бы онъ былъ несогласенъ съ нимъ то его дѣйствительно слѣдовало бы повѣсить. Но вѣдь слова Энгельса — общее положеніе. Вопросъ о томъ, кто же формулируетъ впервые это теоретическое выраженіе. Ленинъ писалъ не трактатъ по философіи исторіи, а полемическую статью противъ экономистовъ, которые говорятъ: мы должны ждать, къ чему придетъ рабочій классъ самъ, безъ помощи „революціонной бациллы“. Послѣдней было запрещено говорить что либо рабочимъ и именно потому, что она революціонная бацилла, т. е. что у нея есть теоретическое сознаніе. Но если вы устраните бациллу, остается одна безсознательная масса, въ которую сознаніе должно

быть внесено извнѣ. Если бы вы хотѣли быть справедливы къ Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидѣли бы, что онъ именно это и говоритъ. Такъ, говоря о профессіональной борьбѣ онъ развиваетъ ту же самую мысль, что широкое соціалистическое сознаніе можетъ быть внесено только изъ-за предѣловъ непосредственной борьбы за улучшеніе условій продажи рабочей силы (Протоколы 2-го съѣзда стр. 123).

Какъ видите, Плехановъ допускаетъ только предположеніе, что фраза была неудачна; онъ считаетъ упреки основанными на недоразумѣніи т. е. отрицаетъ за Ленинымъ всякую наличность преступленія.

Около того же времени, возражая Рязанову, Плехановъ писалъ („Искра" № 41 отъ 1 іюня 1903 года):

„Ему, изволите видѣть, хочется доказать, что прародительница русской соціальдемократіи, Группа Освобожденія Труда, стояла на правильной точкѣ зрѣнія до тѣхъ поръ, пока не была введена въ искушеніе змѣемъ-искусителемъ Ленинымъ... Змій-искуситель вообще никогда ничего не навязывалъ намъ, а всегда дѣйствовалъ въ идейномъ согласіи съ нами, *какъ товарищъ-единомышленникъ, нисколько не хуже насъ понимавшій великое значеніе правильной теоріи въ нашемъ дѣлѣ и ни мало не склонный приносить ее въ жертву практикѣ* (курсивъ мой). И если проектъ программы, предлагаемый нами Рос. Соц.-Дем. Партіи, имѣетъ свои недостатки, то за эти недостатки мы, — П. Аксельродъ, В. Засуличъ и я,—отвѣтственны ничуть не меньше, чѣмъ Ленинъ или какой нибудь другой членъ нашей редакціонной коллегіи. Рязановъ и иные проницательные читатели, любящіе посудачить на счетъ „Искры" и „Зари", очень хорошо сдѣлаютъ, разъ навсегда запомнивъ это мое категорическое заявленіе. Легенда о змѣѣ-искусителѣ... должна быть окончательно оставлена."

Плехановъ, такимъ образомъ, объявлялъ себя совершенно солидарнымъ съ Ленинымъ. Если Ле-

нинъ измѣнялъ марксизму, то Плехановъ былъ такимъ же измѣнникомъ своимъ авторитетомъ, онъ прикрывалъ ленинскую ересь. Конечно, ошибаться можетъ всякій, — могли ошибаться и Ленинъ, и Плехановъ. Но теперь Плехановъ увѣряетъ, что онъ ни на минуту не ошибался: онъ сразу замѣтилъ ленинскую ересь, и въ доказательство вѣрности своего заявленія ссылается на Мартова, какъ на свидѣтеля.

Замѣчу, что политическаго дѣятеля опредѣляютъ по его публичной дѣятельности, а не по тѣмъ частнымъ разговорамъ, которые онъ могъ вести съ тов. Мартовымъ или съ кумой Матреной. Ссылка на кумовскіе разговоры тутъ не у мѣста. Къ тому же она и излишня. Безъ всякой кумы Матрены мы готовы признать, что Плехановъ фальшивилъ, что онъ вообще способенъ играть фальшивую игру, — для доказательства этого намъ достаточно признанія самаго Плеханова. Но если Плехановъ, по неопороченному свидѣтельству Плеханова, способенъ сознательно поддерживать измѣнническіе взгляды, способенъ сознательно фальшивить, то естественно возникаетъ вопросъ: въ какомъ періодѣ онъ больше фальшивитъ? до разрыва или послѣ разрыва съ Ленинымъ? Онъ увѣряетъ, что фальшивилъ только раньше, а теперь ни-ни! Но вѣдь послѣ его признанія мы уже не обязаны вѣрить ему на слово и въ правѣ спросить: если заявленія Плеханова о Ленинѣ лѣтомъ 1908 г. были тезисомъ, нынѣшнія — антитезисомъ, то что сулитъ намъ синтезисъ лѣтняго сезона 1905 г.?

Плехановъ пытается оправдать свою фальшь; онъ объясняетъ, почему „не рѣшился выступать публично“ противъ Ленина, почему „не счелъ нужнымъ оспаривать“ Ленина на съѣздѣ, почему обѣлялъ его. Оправдываясь, Плехановъ высказываетъ горькое сожалѣніе по поводу своей фальши. Однако изъ рѣчи Плеханова на съѣздѣ и изъ возраженія Рязанову видно, что Плехановъ больше, чѣмъ воздерживался отъ публичнаго выступленія противъ Ленина, — даже больше, чѣмъ обѣлялъ:

онъ объявлялъ себя совершенно солидарнымъ съ Ленинымъ. Смягчая этотъ фактъ въ своемъ левіафанѣ, Плехановъ опять немножко сфальшивилъ. Изъ фельетона Плеханова видно, что Ленинъ и до съѣзда и на съѣздѣ ничуть не думалъ считалъ свою полемическую фразу за историко-философскую теорію. Если такъ, то и спорить теперь Плеханову не изъ-за чего. Спорить съ человѣкомъ изъ-за фразы, которую собесѣдникъ самъ не считаетъ за точное выраженіе своего мнѣнія, значитъ ломиться въ открытую дверь. Изъ-за чего ломится Плехановъ? Онъ приводитъ четыре мотива.

1) По его увѣренію, если въ литературномъ произведеніи встрѣчаются очень вѣрныя и очень ошибочныя мнѣнія, то одобрены будутъ нашими читателями прежде всего не тѣ мнѣнія, которыя вѣрны, а тѣ, которыя ошибочны. Кто эти „наши читатели“? Плехановъ и Ленинъ пишутъ для русской соціальдемократіи; кромѣ какъ русскую соціальдемократію прямо таки некого разумѣть подъ именемъ „нашихъ читателей“. Взводя такое обвиненіе на русскую соціальдемократію, Плехановъ мало того что говоритъ явную нелѣпость: онъ публично и сознательно (хотя и „въ сердцахъ“) клевещетъ на всю партію.

2) Ленинъ, какъ убѣдился Плехановъ послѣ съѣзда, не только не пошелъ впередъ, т. е. не только не отказался отъ прежнихъ ошибочныхъ взглядовъ (которые Плехановъ раньше объявлялъ вѣрными), но обнаружилъ недвусмысленное стремленіе къ диктатурѣ. Обвиненіе это приведено голословно.

3) Послѣ съѣзда Плехановъ убѣдился, что взглядъ на рабочихъ, какъ на неисторическій элементъ исторіи, опредѣлилъ собою тактическія и организаціонныя понятія какъ самого Ленина, такъ и многихъ „твердыхъ“ практиковъ. Опять никакихъ доказательствъ.

4) Люди, раздѣляющіе нынѣшніе организаціонныя взгляды Ленина могутъ позволить себѣ очень большую независимость отъ рабочаго движенія во-

обще и въ своей практикѣ уподобиться заговорщикамъ добраго стараго времени. Изъ контекста можно заключить, что стремленіе къ независимости отъ рабочаго движенія дѣйствительно наблюдается среди членовъ „большинства“. Фактъ опять ничѣмъ не доказанъ.

Итого: одно голословное обвиненіе противъ Ленина, два голословныхъ обвиненія противъ „большинства“ и одна завѣдомая клевета противъ всей Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи („нашихъ читателей“), — вотъ какая тяжелая артиллерія понадобилась Плеханову, чтобы обѣлить себя, чтобы оправдать появленіе на свѣтъ своего незаконнаго левіафана. Дорогонько обходится партіи самообѣленіе Плеханова!

И опять самъ собой возникаетъ вопросъ: когда было больше фальши въ словахъ Плеханова, лѣтомъ ли 1903 г. или лѣтомъ 1904? Въ виду очевидности клеветы на всю партію и ради чести самаго Плеханова, какъ члена этой партіи, я склоненъ думать, что лѣтомъ 1903 года фальши было меньше.

Поетъ ли теноръ о первомъ сладкомъ трепетѣ любви, о надеждѣ, торжествѣ, разочарованіи, ревности и ненависти, — онъ овладѣваетъ нашимъ настроеніемъ; онъ измѣнчивъ, какъ настроеніе, и въ правѣ быть измѣнчивымъ. Но политическій дѣятель — не пѣвецъ; онъ не въ правѣ мѣнять опредѣленія истиннаго и ложнаго въ зависимости отъ настроенія, которое въ свою очередь зависитъ отъ взгляда предмета сердца или погоды. Импрессіонизмъ, въ извѣстной мѣрѣ законный въ искусствѣ, неумѣстенъ въ политикѣ и въ наукѣ.

Но даже и импрессіонистское творчество имѣетъ свои законы: соотвѣтствіе между содержаніемъ и формой, гармонія частей обязательны и для импрессіониста. Левіафанъ Плеханова, по отсутствію чувства мѣры, по своей крикливой, дисгармонической „суръезности“ напоминаетъ не столько произведеніе опытнаго литератора, сколько безпорядочныя выкрикиванія разгнѣванной фельдфебельши.

Ахъ! Они любили другъ друга такъ долго, такъ нѣжно! Онъ былъ для нея краше солнышка. Но онъ охладѣлъ, отошелъ, — и, объявила она его аспидомъ. Мы ее понимаемъ, мы даже въ извѣстной мѣрѣ сочувствуемъ ей. Но жалокъ и смѣшенъ политическій дѣятель, когда онъ разражается проклятіями противъ мнимаго Донъ-Жуана, являясь передъ публикой въ растрепанномъ капотѣ обольщенной дѣвицы.

7. Объ агентахъ Ленина.

Въ письмѣ къ Каутскому („Искра“ № 68) Аксельродъ говоритъ:

„Ты правъ въ своемъ предположеніи, что разногласія между нами и сторонниками Ленина въ *Россіи* (въ примѣчаніи добавлено: „если не говорить объ агентахъ, спеціально направляемыхъ имъ отсюда въ Россію“) покоятся въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніяхъ. Большинство этихъ товарищей не знакомы съ протоколами съѣздовъ Партіи и Лиги и почти вовсе не читали „Искру“ за періодъ нашей внутренней борьбы. Главнымъ источникомъ для ихъ освѣдомленія является Ленинъ и его агенты“.

Боюсь, что я недостаточно знакомъ съ заграничными конспиративными обычаями. Но все же мнѣ кажется, что не совсѣмъ удобно называть публично лицъ, которыя непосредственно завѣдуютъ отправкой въ Россію агентовъ съ революціонными цѣлями. Я не слышалъ, чтобы имена такихъ лицъ публиковались какой-либо партіей, — и я лично не счелъ бы себя въ правѣ, еслибы зналъ, публиковать имена тѣхъ членовъ меньшинства, Бунда, польскихъ партій, соц.-революціоперовъ, освобожденцевъ и проч., которые завѣдуютъ или занимаются отправкой агентовъ въ Россію. Если бы я узналъ, напримѣръ, что этимъ дѣломъ завѣдуетъ или занимается Аксельродъ, то я подумалъ бы, что опубликованіе такого факта привлечетъ на Аксельрода особенное вниманіе царской полиціи и отпугнетъ отъ сношеній съ Аксельродомъ лицъ, легально

пріѣзжающихъ изъ Россіи; послѣднее обстоятельство, сокративъ кругъ знакомства Аксельрода, облегчитъ еще болѣе шпіонскій надзоръ за „агентами“, ограничивъ въ тоже время сферу возможнаго личнаго вліянія Аксельрода на товарищей, легально пріѣзжающихъ изъ Россіи.

Какимъ же образомъ данная часть письма Аксельрода могла появиться въ печати? Неужели меньшинство дошло до *такихъ* пріемовъ борьбы противъ Ленина? Или эта публикація сдѣлана по недосмотру? Нѣтъ, читатель, и члены редакціи, и Аксельродъ слишкомъ старые и опытные революціонеры, чтобы позволить такіе пріемы борьбы или допустить такой грубый промахъ. Если же они *сдѣлали данную публикацію*, то только потому что знали, что посылка агентовъ Ленинымъ — не болѣе какъ заграничная сплетня. Они все время изображаютъ партійное большинство, какъ безсловесное стадо въ рукахъ ловкаго Ленина; въ соотвѣтствіе съ этой основной клеветой на цѣлую половину партіи имъ необходимо, конечно, изображать членовъ большинства, которымъ случается поѣхать въ Россію, какъ злоумышленныхъ ленинскихъ агентовъ.

Только и всего! А впрочемъ думайте о правдивости Аксельрода и редакціи, что хотите...

Я хотѣлъ показать, что нынѣшняя „Искра“ относится къ вопросамъ внутрипартійной жизни, какъ органъ кружка, а не какъ органъ партіи. Возможно, что читатель изъ приведенныхъ мною фактовъ выведетъ другое заключеніе: онъ можетъ быть скажетъ, что „Искра“ все-таки является не кружковымъ, а центральнымъ органомъ, — только не партіи, а центральнымъ органомъ личныхъ счетовъ, сплетни и клеветы на Р. С.-Д. Р. Партію въ

цѣломъ, на ея отдѣльныя части и отдѣльныхъ лицъ. Противъ такого вывода я не стану особенно спорить...

Кто же виноватъ въ такомъ, нѣсколько неожиданномъ, превращеніи Ц. О.?

Валить всю вину на нынѣшнюю редакцію нельзя. Она можетъ быть и хотѣла бы видѣть „Искру“ центральнымъ органомъ партіи, да не умѣетъ этого сдѣлать. Паденіе ея шло сначала довольно медленно, потомъ все быстрѣе: не встрѣчая достаточно энергичнаго отпора со стороны общественнаго мнѣнія партіи, редакція постепенно распоясывалась. Не встрѣчая достаточно энергичной критики, редакція увѣрилась въ своей непогрѣшимости и становилась все небрежнѣй.

Въ нашемъ отношеніи къ партійному органу сказался пережитокъ кружкового періода: мы предоставили редакціи вѣдать дѣло такъ же безконтрольно, какъ вѣдали его досъѣздовскіе литераторскіе кружки. Выдвинувъ тезисъ положительной работы, мы забыли, что правильное веденіе *нашего* органа, а слѣдовательно и воздѣйствіе на него — тоже положительная работа. Главное же, мы забыли, что Ц. О. является въ извѣстной мѣрѣ представителемъ партіи: поскольку редакція компрометируетъ органъ, она компрометируетъ, тормозитъ и убиваетъ нашу положительную работу. Попытка отмолчаться, уйти отъ дрязги въ другую работу, покинувъ органъ на произволъ нынѣшней редакціи, — эта попытка превращается въ уклоненіе отъ исполненія трудной партійной обязанности сдѣлать органъ достойнымъ партіи.

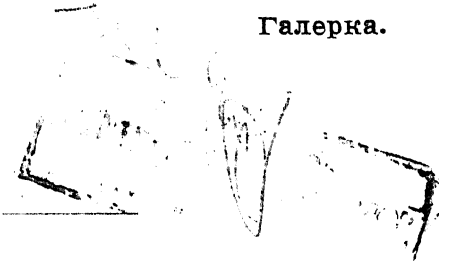
Центральный органъ долженъ объединять партію. Читая свѣжe-вышедшій номеръ, мы должны всѣ, безъ различія оттѣнковъ, чувствовать себя соціальдемократами, членами единаго великаго цѣлаго. Центральный органъ долженъ быть для насъ такой же святыней, какъ красное знамя во время демонстраціи и въ моментъ возстанія.

По отношенію къ партійному большинству ре-

дакція превратила наше священное красное знамя въ казацкую нагайку.

Что жъ, это отчасти заслужено нами: уклоненіе отъ прямой, хотя и трудной, партійной обязанности не проходитъ безнаказанно для партіи.

Галерка.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Галерка. Наши недоразумѣнія 3
Его же. Недоразумѣнія разсѣялись! 24
Рядовой. Наконецъ-то! 33
Л. М. Отъ редакціи („Искры“) 39
Рядовой. Отвѣтъ Л. М. 40
Его же. Къ свѣдѣнію читателей, которые пожелали бы сотрудничать въ „Искрѣ“. 43
Его же. Роза Люксембургъ противъ Карла Маркса . . . 46
Его же. Одинъ изъ выводовъ 60
Галерка. Органъ безъ Партіи и Партія безъ органа . . . 72